

Эдуард СЕМЕНОВ

ТАЙНЫЕ КОДЫ РУССКИХ НАЛИЧНИКОВ

ВЕРСИИ 1,2,3,4. ИСПРАВЛЕННЫЕ И ДОПОЛНЕННЫЕ

проект

ВОЛХВЫ

исторический спецназ

«Только они исправляют
ошибки прошлого!»

16+

Эдуард Семенов
Волхвы. Исторический
спецназ. Тайные коды
русских наличников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63731117

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98998-6

Аннотация

Книга 1: Свадебному фотографу и будущему великому волхву Ивану Сазикову пришлось пройти через битвы и сражения, годы одиночества, все потерять и стать самым богатым человеком планеты.

Книга 2: Возможно ли вырвать любовь у смерти? Чем придется пожертвовать? Невероятные приключения потомственного волхва и прорицательницы Василисы Волховой и ее возлюбленного.

Книга 3: В центре внимания волхв Филипп Волхвов. Через время и пространство, чтобы вернуть миру веру в первого человека, покорившего космос. А кто враги? Конечно же, те, кого уже давно похоронили.

Книга 4: На этот раз волхву Александру Волхову поручается, используя тайные коды русских наличников, спасти Че Гевару,

но ... единство времени, пространства и места никто не отменял. Одно еле уловимое движение в далеком 1967 году меняет все в будущем настолько, что требуется уже менять измененное прошлое... И так до бесконечности? Или все же время можно контролировать?

Книги имеют дополнительные материалы.

Содержание

КНИГА 1: ИСПРАВЛЯЕМ ПРОШЛОЕ.	5
НАДЕЖНО. С ГАРАНТИЕЙ. ОДНАЖДЫ НА	
ОКТОБЕРФЕСТ	
Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	65
Глава 5	81
Глава 6	98
Глава 7	111
Глава 8	123
Глава 9	138
Глава 10	151
Глава 11	165
Глава 12	176
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Эдуард Семенов Волхвы. Исторический спецназ. Тайные коды русских наличников

КНИГА 1: ИСПРАВЛЯЕМ ПРОШЛОЕ. НАДЕЖНО. С ГАРАНТИЕЙ. ОДНАЖДЫ НА ОКТОБЕРФЕСТ

Предисловие

Волхвы... Деревенька в Рязанской области. На берегу реки Проня. Две улицы в несколько домов. Коллективное хозяйство «Большевик». Коровник. Сыро-молочное производство. Столярная мастерская. Проселочная дорога выходит на трассу М5 «Урал». Самая опасная трасса в России.

Рядом лес и озеро.

Бескрайние поля. Летом – трава по пояс. Зимой – снега

по плечи. В иные годы и с головой. Все избы старые, каждой не менее ста лет, а то и больше, но все дома добротные, без сайдингов. Крыши крыты металлом. Невысокие заборчики. Ухоженные палисадники перед домом. За домом – грядки картошки, и клубники. За грядками обязательно кусты смородины, потом – вишня, яблоня и слива. За ними – прудик. Мимо прудика узкая еле заметная тропинка к реке или к лесу. В зависимости от того, куда смотрят окна.

На всех оконных рамах домов, даже на здании клуба и по совместительству библиотеки, которая также каким-то чудом сохранилось в этой глуши, крашеные резные наличники-обереги. Идет человек с черными мыслями по улице, глазами рыскает, хочет в дом заглянуть, но окошки не дают, на глазах темнеют, а особо настырных солнечным бликом ослепляют.

Но для проезжающих через деревню рыбаков и грибников эти окна просто красивые... Настолько красивые, что так и хочется сделать фотографию на память или как сейчас говорят себяшечку на телефон.

Щелк, щелк... и фотография уже в сети.

Еще пару минут и у фотографии десятков лайков или восторженных отзывов.

«Не знала, что так красиво может быть?» «Боже, какая резьба!» Или просто... «Ляпота»!

Глава 1

Иван Сазиков пролистнул страницу инстаграм и на минуту остановился на фотографии наличника с явно древними сакральными знаками. Таких у него в коллекции еще не было, а он их наснимал за последние пять-шесть лет приличное количество.

Более миллиона фотографий. Более пятисот населенных пунктов от Урала до Бреста. Несколько календарей. Бесконечное количество наборов открыток. Персональные выставки. Подарочное шеститомное издание «Наличники России», где в каждом томе отражены наличники шести основных регионов страны. Его правда, он еще не издал, а только планировал издать методом краудфандинга, или «с мира по нитке» проще говоря. Люди давали ему деньги на издание, значит, тема была интересной.

Да, повидал он всякого. Казалось, что-то новое увидеть уже будет нереально. Именно поэтому он и остановил свой взгляд на этих узорах. Они были какие-то другие. Как будто чужие и родные одновременно.

Иван скачал фотографию к себе на планшет и увеличил. «Вот досада. Изображение нечеткое. Смазанное. Общие очертания видны, а вот детали. В них ведь кроется самое интересное. Их совершенно невидны. То ли снимали в движение, то ли рука дрогнула. Или издалека. Не разобрать. Отку-

да эта фотка?»

Иван посмотрел по геоданным. «Рязанская область. Деревня Волхвы». Ничего себе название? Прикинул по навигатору. «Часа за три с половиной долечу. Час на съемку и назад. День сегодня длинный. Проверил свои записи. В ближайшие два дня никаких свадеб и фотосессий. Не сезон. Значит, можно сгонять. Если повезет, то вернусь засветло». Ему всегда в таких вопросах везло. Сколько раз он выезжал в такие вот спонтанные экспедиции налегке, только с одним кейсом на плече и ни разу в дороге ничего не случилось.

Через три с половиной часа в Рязанской области.

«Муля, я тут по делам отъехал. Думал, что ненадолго, но похоже задержусь!» Иван быстро одной рукой набрал смску на своем планшете, и отослал его жене. Он припарковал свой старый, выдавший виды джип «мерседес» на обочине трассы и тупо уставился в навигатор, который показывал ему поворот налево. Однако на самом деле в этом месте трассы стоял отбойник, который никоим образом не позволял ему сделать этот поворот.

– Гребаная страна, – выругался он вслух. – И что теперь делать? Как быть?

Услужливый навигатор, с которым он до этого разговаривал на протяжении всего пути, переспросил.

– Вас не понял. Уточните, пожалуйста, запрос?

Иван выдернул планшет из держателя и раскрыл карту.

Все верно, именно здесь карта Яндекс показывала поворот, а ближайший следующий разворот был аж через 100 километров, где-то на границе с Мордовией. Нет, конечно, отбойник мог закончиться и раньше, но проверять, в каком месте именно, желания почему-то не было.

Ведь до пункта назначения было, что называется рукой подать. Каких-то десять-пятнадцать минут пешком.

Решение надо было принимать быстро. Иван выглянул в окно. Погода была вроде нормальная. Где-то на горизонте собирались тучи, но не критично. В любом случае, дождевик надо взять. Закрыв окно. Вышел из машины. Достал с заднего сидения кейс с фотоаппаратом, проверил объективы, зарядку. Перекинул дождевик через ремень кейса. Накинул ремень на плечо. Захлопнул дверь. Снова открыл переднюю дверь. Взял из подстаканника бумажный стаканчик с кофе, купленный на последней заправке. Кофе был уже холодный, но с ним идти будет веселее, решил Иван. Пикнул кнопкой. Машина, мигнув фарами, встала на сигнализацию.

Посмотрел налево. Трасса уходил далеко вдаль и только где-то на пригорке был виден большегруз. Перебежал две полосы, перемахнул через отбойник. Еще раз ругнулся: «Какой придурок здесь его установил. Дорога же прямая как полотно?» Посмотрел направо. В сторону Москвы трасса была оживленнее. Все стремились в столицу, но увидев человека, упорно стремящегося на другую сторону шоссе, первая же машина притормозила и посигналила ему «Фа-фа». Мол,

пробегай.

Иван с благодарностью кивнул головой и перебежал еще две полосы, аккуратно напротив затертого указателя, на котором было написано «Волхвы. 5 километров». Причем странным образом, буквы «хв» в название были стерты, а затем какой-то шутник белой краской написал те же буквы, но на манер «ХВ», то есть «Христос воскрес».

Стрелка на указателе указывала на проселочную дорогу, на которой асфальт заканчивался через сто метров. На кончике стрелы была прилеплена наклейка с черепом и перекрещенными костями.

Дальше было ровное поле и выющаяся колея, упирающаяся в темную полосу леса. За ним и должна была быть деревня.

Шансов, что кто-то поедет по этой дороге в нужную ему сторону не было никаких. Иван шагал по полю, вдыхая аромат разнотравья и немного от него пьянея. Окружающих его звуков он не слышал, потому что еще у указателя сунул в уши наушники и врубил бодренькую музыку, под которую было удобно шагать. Стрелка на навигаторе упорно вела его к цели, подсказывая, сколько осталось до места назначения, обозначенного флажком из черно-белых шашечек.

Вот где-то на рубеже трех и четырех километров до цели кнопка сигнализации машины в кармане задергалась и завибрировала, предупреждая, что кто-то явно пытается в нее

залезть.

«Твою ж, мать!» Раздумывать было особенно некогда. Иван развернулся и побежал обратно. Но бежать с кейсом на боку было не удобно. Да еще провода от наушников, которые тут же выскочили из ушных раковин, мгновенно намотались на ногу. Он резко сделал несколько шагов в сторону от дороги, опустил кейс с фотоаппаратом в густую траву. Поставил на обочину стаканчик, как ориентир. Сдернул провода с ноги и намотал их на руку на манер кастета.

И, что называется, с низкого старта рванул к машине. На ходу обернулся, запоминая место, где оставил дорогостоящее оборудование. Белый стаканчик был виден издалека. «Хорошо!»— надеюсь, его не сдует.

Взбежав на пригорок трассы, он тут же увидел свою машину.

Она стояла на том же месте, где он ее оставил. В полном одиночестве. Мимо нее пронеслось несколько большегрузов, обдавая кузов воздушной волной вперемешку с мелкой асфальтовой крошкой. Продукт немецкого автопрома снова воспринял это как попытку покуситься на его честью.

«Тьфу!» — Иван уперся руками в колени, пытаясь отдышаться. Да, такого у него давно не было. «Ну, чего побежал? Ясно же было, что это просто реакция на проезжающие машины? Нет, как будто кто толкнул его обратно».

Пот, катившийся по лицу, привлек внимание слепней и они с удовольствием попробовали и напились столичной

кровушки. Иван замахал руками как мельница.

Два километра туда, потом еще два обратно. Теперь снова туда. Итого уже девять километров. В ухо как будто кто-то шепнул: «Не нужна тебе эта затея? Нечего тебе делать у Волхвов. Сдалось тебе это окошко. Возвращайся. В другой раз как-нибудь приедешь».

Иван уже был готов поддаться внутреннему голосу, но тут он вспомнил, что кейс с «Никоном» лежит где-то там в поле. И было бы неплохо его забрать, поэтому он снова развернулся в сторону Волхвов и запыхавшись по краю колеи уже быстрым спортивным шагом.

Солнце стремительно катилось вниз. Разнотравье уже не казалось таким опьяняющим, а тени от стеблей цветов становились все длиннее и длиннее, до неузнаваемости изменяя окружающее пространство.

Поднявшийся ветер закрутил в бараний рог пылинки на дороге. То, о чем он только подумал в самом начале своего забега, вдруг превратилось в реальность. Стаканчик сдуло.

Когда через полчаса Иван понял, что кейса так просто не найти, пикнул планшет, оповещая о том, что зарядки осталось только 10 процентов. «Да что ж, такое!» Иван возвел глаза к небу в воображаемой молитве, и понял, что сейчас пойдет дождь. И не просто дождь, а гроза с ливнем.

Этого еще не хватало. Раздались раскаты грома и небосвод разрезала молния, как будто мечом кто-то взмахнул.

«О, боги!» Иван закрутил головой по сторонам в поисках

направления, куда бежать и тут же увидел, что со стороны трассы поднялась пыль и в его сторону несется старая оранжевая колесница с надписью «Молоко» на борту.

«Странно, что за марка машины не вижу, а вот надпись читаю отчетливо».

Иван молча поднял руку, изобразив жест отчаяния, понятный всем шоферам.

«Подвезите, пожалуйста!»

В небе уже были не просто короткие всполохи-взмахи, а создавалось впечатление, что бог войны ведет тяжелый и затяжной бой с превосходящими силами противника и использованием бомбардировочной авиации.

Колымага доехала до Ивана, когда первые капли дождя, крупные как снаряды, уже начали шлепаться на дорогу, оставляя небольшие воронки. Практически сразу эти воронки разворачивались в слякотные лужи.

Это был «ГАЗ-66». Машина, некогда выпускаемая на горьковском автозаводе и в народе прозванная «Шишигой» за безумную проходимость

Дверь "Шишиги" распахнулась от удара ногой изнутри, одновременно с барабанной дробь по крыше. Дождь зарядил не на шутку.

– Быстро прыгай в кабину, пока не вымок до нитки... – раздался хриплый голос водителя.

Ивана, уже успевшего получить по затылку несколько раз,

и от того, втянувший голову в плечи, не надо было уговаривать. Он практически телепортировался на сиденье рядом с водителем и захлопнул за собой дверь.

Он поднял глаза, чтобы поблагодарить своего спасителя, за то что так вовремя появился, но ... от удивления даже забыл, что хотел сказать.

За рулем сидел морщинистый мужчина с бородой и в рясе, а на шее его болтался большой крест. На губе водителя висела помятая папиросина типа «Беломор». С трудом подавив соблазн перекреститься, Иван обвел глазами салон машины и увидел, что передняя торпеда кабины была заклеена небольшими квадратными иконками и напоминала то ли иконостас, то ли пульт управления космического корабля.

– Ну, что устался. Батюшек никогда не видел?

– Видел, но, – Иван не нашелся что ответить, – как-то неожиданно.

– Привыкай.

«Шишига» рванула в сторону леса, вихляя по колее, как будто объезжая мины и воронки, подсакивая на всех кочках и ухабах, которые при пешем движении были практически не заметны, но сейчас жесткие рессоры бывшего военного грузовичка ловили их все.

Ивана шатало из стороны в сторону, и он с трудом смог рассказать о том, что потерял в поле кейс с фотоаппаратом.

– Это русалки, наверное, взяли поиграть. Завтра вернут, – бросил как ни в чем не бывало водитель и перебил было от-

крывшего рот Ивана. – Подожди ша.

«Шишига», подскочив на очередной колдобине, притор-мозила у развесистого дуба, стоящего на опушке леса. Одна ветка дерева, была сильно наклонена над дорогой, так что для проезда нужно была выйти и поднять ее. Рядом валя-лась суковатая рогатина, которой видимо подпирали ветку. Батюшка, очень ловко подхватив рясу, выбежал под дождь, обежал машину спереди, подбежал к рогатине и поднял ее, подпер ветку. Из-за шума дождя Ивану не было слышно, но по тому как святой отец шевелил губами, было видно, что он с кем-то разговаривает и даже протягивает этому кому-то сигарету в дупло дерева. Потом пожимает плечами и кидает в дупло целую пачку сигарет.

Когда батюшка влезал снова в салон машины, он был весь промокший до нитки и ворчал себе под нос.

– Совсем обнаглела, уже пачку за проезд просит.

– Кто обнаглел? – переспросил Иван.

Батюшка вздрогнул.

– Я что это вслух сказал. – Он смущенно отвел глаза. – Не важно. Видишь какая из-за тебя свистопляска. Ты скажи там Потапычу, что теперь мы в расчете, и с него плюс один.

– Кому сказать? – не понял Иван, – Вы о чем?

– Потапычу, – повторил батюшка. – Это же он меня за тобой послал, а то ты бы до деревни и не добрался. Сгинул бы в поле не за понюх табака.

Иван немного прибалдел от такой информации. Чтобы ее

переварить ему потребовалось еще немного времени. Как раз столько, чтобы машина успела объехать лес и влететь на улицу деревни.

Через мгновение "Шишига" остановилась у дома с надписью «Библиотека».

– Тебе сюда. Давай. Там тебе все объяснят. И не забудь Потапычу напомнить про меня.

– А вы не могли бы меня на обратном пути подхватить?
Водитель засмеялся.

– Это вряд ли. Мне сейчас на ферму, молоко надо забрать после вечерней дойки для монастыря, а назад я уже кружным путем поеду. Там дорога длиннее, но спокойнее. Ты иди, иди, мил человек. И ничего не бойся. Потапыч знает что делает. Видишь и дождь уже почти закончился.

Дождь действительно уже утих. Снова в небе остались лишь короткие всполохи. Бог войны добивал своих врагов, уступая место радуге. И она не заставила себя ждать. Перелетела мост с одного края горизонта до другого.

Иван остался на улице деревни один. Молоковоз-шишига растворился вдаль, оставив после себя лишь облачко выхлопных газов, хлопок дверью и голос водителя: «Скажи, про должок!»

«Снова один», – подумал Иван. Сколько раз он вот так стоял на улицах деревень, рассматривая наличники через объектив фотоаппарата. И сейчас ему до цели своего путе-

шествия было ну буквально рукой подать. Ведь дом, возле которого он стоял, и был тем домом ради которого он приехал. Опытный глаз даже выбрал максимально выгодный ракурс, с которого он бы сейчас сфотографировал окошко.

Потом прикинул, откуда была сделана фотография, из-за которой он сорвался с места. Получалось очень странно, человек должен был сидеть на заборе. «Ну, может быть из-за этого и не получился кадр. Как тут усидишь на штaketнике?»

Иван не удержался и машинально потянулся за фотоаппаратом, вспомнил что его у него нет. Схватился за планшет. Тот не включился. Батарейка все же разрядилась. Ну, вот сейчас бы сделать пару кадров и назад.

Но...

«Что же за день такой сегодня! Может правда загадочный Потапыч мне все объяснит!»

Он открыл калитку и вошел во двор большого дома, который имел два крыла с четырьмя рядами окон. Они были совершенно одинаковые. Вот только один наличник на окошко в правом крыле был какой-то особенный. Он как будто подмигивал входящему в дом. И светился изнутри, предлагая войти.

Внутри дома можно было попасть через крыльцо с перилами и тремя деревянными ступеньки. Когда Иван наступил на них, они заскрипели, исполняя гимн входящему.

– Ау, – крикнул Иван, – можно войти?

Толкнул дверь. Она тоже скрипнула. Но уже по-другому, металлическими петлями и протяжно. Иван вошел в полутемные сени и его взгляд уперся в огромное зеркало, в котором он увидел себя в полный рост.

При беглом взгляде ему показалось, что из глубины зеркала на него смотрит он, но чуть моложе. На голове у того, смотрящего на него были длинные волосы, как в студенческие годы, на лице не было морщин, скулы тоньше, плечи шире, осанка. На ногах были смешные красные кеды. Когда он выходил из дома, он это точно помнил, надел черные полувоенные берцы. Поэтому откуда взялись кеды было непонятно. Иван опустил голову, чтобы удостовериться и понял, что да, действительно у него на ногах берцы. Откуда тогда взялись кеды? Снова посмотрел в зеркало и удивился еще больше.

На щеке у того в зеркале был шрам.

Иван вздрогнул и поднял руку. Потрогать щеку. В зеркале руку никто не поднял.

Тут впору было бы окончательно испугаться, но дверь в комнату, которая вела в левую сторону, открылась и оттуда в сени ворвался яркий свет вместе с разноголосым детским смехом. Стайка ребят: чернявенький пухлый увалень, русая девчушка-девушка с косичками, заплетенными на манер кошачьих ушек, и подросток в очках выскочили из зала, и, не обращая внимания на Ивана, просочились мимо него на улицу, крича уже оттуда.

– До свидания, дядя Степа, до завтра. Спасибо, что разрешили полетать.

– Давайте, давайте, ребята, по домам. Родителям привет, – услышал Иван голос мужчины и очень удивился. Он был похож на голос диктора Левитана. Такой же тягучий и раскатистый. Уверенный.

Иван проводил ребят взглядом, а когда опомнившись снова посмотрел на зеркало, то вдруг понял, что на самом деле это большая картина. Причем на ней изображен мужчина в древних одеждах с доспехами и красных сандалиях. Мало того на других стенах также висели картины. Но их он рассмотреть уже не успел, потому что тягучий голос позвал его.

– Входите! Кто там пришел?

Иван шагнул через порог в светлый зал.

Стеллажи книг вдоль стен уходили вдаль и вверх. От этого комната казалось бесконечно большой. С улицы помещение явно выглядело меньше. В центре комнаты стояли в два ряда, как в классе, столы с компьютерами. Экраны были повернуты к нему, и перед каждым экраном, помимо клавиатуры и мышки стоял авиасимуляторный джойстик. Из-за этого и узкий коридор между стеллажами очень напоминал взлетная полоса.

– Здравствуйте, – крикнул Иван в зал и услышал как его голос загулял по помещению, – я ищу Потапыча. Не знаю как его зовут, к сожалению.

– Степан. Степан Потапыч, – откуда-то из глубины позвучал ответ. – Это я. А вы я так понимаю Иван Сазиков, фотограф. Подождите, я сейчас!

– Да, а откуда вы?

Иван закрутил головой, пытаясь понять, откуда доносится голос, но так и не понял, зато его взгляд упал на ближайший включенный компьютер. С удивлением обнаружил на его экране свой кейс, который был снят с высоты птичьего полета. Причем это была не фотография, а видеозапись.

Ошибиться было невозможно. Кейс болтался на плече мужикоподобной бабы с удочками в руках, в зеленом защитном плаще от ОЗК, общевойскового защитного комплекта, и в зеленых болотных сапогах.

Рыбачка, раздвигая удочкой заросли камыша и осоки, шла куда-то по болотистой местности.

– Ох, и ничего себе русалка, – воскликнул, не удержавшись, Иван и снова обратился в пустоту. Он так и не понял местонахождение Потапыча, – а как это у Вас получается? Она там, а мы здесь.

И уже раздраженно крикнул.

– Ну, где вы, наконец? Покажитесь. Там мое оборудование украли. А оно стоит бешеных денег. Надо звонить в полицию.

При слове «полиция» он услышал за спиной собачий рык и, вздрогнув, обернулся. Из темноты сеней на него глянули два ярко красных глаза огромного черного пса породы нью-

фаундленд.

«Мууур». Между ног проскочила белая стройная кошечка и, вскочив на подоконник первого окна, грациозно улеглась там, сложив лапки.

– Иду, иду! Извините, книги по местам расставляю, а то завтра снова народ придет. Не успею!

Из-за стеллажей вышел невысокий мужчина, одетый как классический библиотекарь: жилетка с оттянутыми карманами, джинсы, на ногах домашние тапочки. Гладко выбритый подбородок и очки завершали его образ. Вот только сильные жилистые руки, которые выглядывали из-под рукавов клетчатой байковой рубаки, говорили, что мужчина не всегда был работником умственного труда и как минимум регулярно посещал атлетический зал. В руках он держал сразу три тяжелые книги.

Мужчина посмотрел на кошку.

– Ну, я же сказал Вам идти домой. Чего вы человека пугаете?

Как будто получив ответ, добавил.

– Ну, какие там городские сказки вы можете услышать от человека, который пока еще не понял, куда попал.

Он посмотрел на Ивана.

– Ведь правда? Вы сейчас в растерянности, нервничаете и готовы сорваться на крик. Понимаю, поэтому предлагаю сразу покинуть это благословенное место, перейти на другую сторону улицы в мой дом и попариться в баньке. Моя стару-

ха уже все истопила. Парок сегодня легкий. Всю усталость, как рукой снимет. Потом поужинаем пирогами и расстегаями. Пальчики оближешь. Старуха самовар заварила. А вот за банькой и ужином, за чашечкой чая все вам растолкую. Как Вам такой план?

Иван действительно готов был разораться на ни в чем не повинного человека, но его уверенный тон сбил этот настрой. Да, еще эта собака за спиной. Кто ее знает, как она поведет с незнакомым человеком? Он подавил в себе выброс злой энергии и попытался объяснить.

– Там моя аппаратура. Ее украли.

Потапыч скосился на экран и улыбнулся.

– Ну, украли сильно сказано. Алка просто убрала хорошую вещь подальше, чтобы взять было поближе. Да, Шура?

Последняя фраза была явно не к Ивану, потому что в ответ он услышал звонкое: «Гав!»

– Вот, видите! Шура найдет вашу чудо-технику и к утру она в целости и сохранности будут уже в ваших руках. А денька через три, если захотите, то и домой отправитесь.

– Что? Какие три дня? Мне уже сегодня надо домой попасть. У меня там машина на трассе, жена...

Это вряд ли, – вздохнул Потапыч. – После дождя дорогу развезло. Ни пройти, ни проехать.

– Да, ладно!

– А вы как думали. Это Рязань. Здесь все не как у людей. У нас даже грибы с глазами. Слышали?

– Так что же делать? Вызовите МЧС, наконец. У Вас есть здесь власть-то какая-то?

– Какая-то есть власть, конечно, есть, – загадочно ответил Потапыч. – Но в остальном, извини. Деревня. Здесь связь никудышная. Можем только голубей посылать, а так только на свои силы рассчитываем. Но ты не волнуйся, если вот сильно приспичит, утром сходишь на гору, там связь есть. Сам, если захочет, то МЧС вызовешь.

Иван почувствовал себя как под рентгеном. Это было неприятное ощущение. Он понял, что жене также позвонить не сможет.

– Ну, так как? Идешь в гости?

Стало понятно, что все равно других вариантов у него нет. Иван пожал плечами.

– Пошли, не на улице же мне ночевать. Надеюсь, там у Вас есть где планшет зарядить?

– Конечно. Вот это правильное решение. Ох, моя старуха, гостю обрадуется. Пошли.

Когда они проходили через сени, Иван заметил, что правое крыло здания было закрыто на замок, но сквозь щели под дверью мелькнул свет, как будто... Он не смог сразу подобрать слова, что ему почудилось. Вот, как будто пронесся поезд. Он показал на него Потапычу.

– Что это?

Но тот только махнул рукой. Мол, не обращай внимание. На улице небо уже было расцвечено первыми звездами.

Ни одной тучки над головой. Белая кошка и черный пес вышли на воздух вместе с Иваном и Потапычем. Кошечка побежала в одну сторону деревни, и над ней Иван увидел тень большой птицы. В лунном свете она казалась серебряной с золотым-рыжим отливом.

Глава 2

... Дубовый веник выписывал в воздухе замысловатые кренделя и опускался на разомлевшее тело Ивана. Его усталость растворялась в легком паре, настоящем на меду. Все заботы и тяжелые мысли отходили в сторону. Иван буквально ощущал, что молодеет внутри.

«Да, как давно, я не парился в баньке? – он попытался вспомнить. – Последний раз с друзьями студентом на картошке. Потом, конечно, были сауны. Но там все больше с клиентами и спонсорами. С женой пару раз сходил попариться. Но ей от жары дурно становится».

Он лежал и покряхтывал, а перед глазами проносились жизнь.

Как кадры в Инстаграм. Удар веником – кадр, еще удар – еще кадрик, и так пока перед глазами снова не появился этот загадочный налечник с необычными то ли русскими, то ли арабскими, а может мексиканскими узорами.

– Поддать парку?

– Хватит, пожалуй.

– Ну, смотри.

Веник остановился, пар начал опускаться. Стало легче дышать. Они вышли с Потапычем в предбанник и уселись за стол, на котором уже стояли разносолы.

В дверь постучали.

– О, старуха моя! Заходи.

– Сам ты старуха!

В дверь вошла моложавая женщина с весьма аппетитными формами, которую старухой назвать можно было исключительно ради шутки. На ней был спортивный костюм, кроссовки. Волосы убраны в толстую косу, которая в свою очередь была стянута в большой золотистый кокон. Поставив на стол большое блюдо с пирогами, цыкнула на мужа.

– Что ты меня перед гостями позоришь?

– Знакомься. Моя Степанида. А я, значит, Степан, как ты понял.

– Здравствуй, гость наш долгожданный.

– Очень приятно, Иван.

Он почувствовал, как Степанида быстро пробежала по его лицу глазами, считывая информацию.

– Вот еще пирожков попробуйте. С пылу с жару. И не сидите долго. Завтра рано вставать.

Иван уже не удивлялся, что здесь все решают за него, но подумал, раз пока все равно ничего сделать нельзя, раз нет угроз для жизни, лучше принимать все происходящее во-круг как должное. Тем более, что фотоаппарат обещали вернуть. И пес Шурка вроде как за ним пошел. Бред!

Потапыч улыбнулся жене.

– Вот спасибо. Вкуснотень-то какая. Мои любимые? С яблочками.

– С молодильными? Сверху положила.

– Как мои летали, видела?

– Сегодня лучше, но все равно пускать их рано.

– Согласен.

– Ну, ладно. Пойду к соседке на вечерку, а вам я в светлице постелила.

– Привет там всем передавай.

Иван терпеливо ждал, так как уже начал понимать, о чем идет речь. «Мои» – это ребята из библиотеки, которые потом стали собакой, кошкой и филином. Летали они на авиасимуляторах в комнате по компьютерной сетке, то есть в виртуальном пространстве. Но вот как их могла видеть Степанида? Наиболее разумный ответ, что тоже по сетке, но поверить, что женщина в ее возрасте увлекается компьютерными играми, сложно.

Он с шумом выдохнул воздух из груди, скривил рот, поджав губы. Непонятно. Мир вокруг становился все запутаннее и запутаннее, никак не получалось свести концы с концами. Его раздумья прервал Потапыч.

– Вот еще один пирожок съешь и можешь начинать задавать свои вопросы. Протокол выполнен.

– Какой еще протокол?

– Сначала пирожок, потом вопросы.

Иван взял с краю пирог и, укусив, почувствовал, как что-то липкое потекло по щеке. Слизнул и ощутил вкус вишни.

– Ну, вот. Добра молодца напоили – накормили, да в баньке напарили.

– А, этот протокол, – понял Иван, – но потом-то старуха съела добро молодца?

Припомнил Иван сюжет русской сказки.

– Ну, – Потапыч покрутил рукой в воздухе, изображая корону. – Если добро молодец не дурак, то в сказке все по-другому. Ты пей, пей чаек. Это иван-чай, сам собирал в прошлом году.

– Еще вопросы будут? Если не знаешь с чего начать, то начни с главного.

Иван еще немного пожевал и не проглотив пищу, промычал:

– Кто Вы?

Потапыч улыбнулся в сторону и довольно кивнул головой.

– Мы волхвы. Древний род каликов перекатных.

– Кого? – поперхнулся Иван, переспросил. – Не понял, кто?

Как его положили в постель и укрыли одеялом заботливые руки, Иван не помнил. Как уснул и проснулся, тоже. Может и не засыпал, а забылся, переваривая и прокручивая в голове слова, которые никак не срастались с тем, что слышал, знал раньше. Он верил и не верил. Хотел поверить и понимал, что лучше этого не делать.

«Волхвы. Ну, да так называлась деревня, куда он приехал. Логично, что все, кто живут в ней тоже Волхвы или Волховы

по фамилии, по паспорту. В своих поездках по стране он такое часто встречал. Но по роду деятельности? Как? Как такое могло быть... Потомки тех людей, которые пророчили вятскому Олегу смерть от черепа его коня, видели как появился на свет Иисус Христос и поднимали восстание против Рюрика в Новгороде. Они оказывается, никуда не делись. А перемещаясь по свету, собирали знания и силу, пока не осели в Рязани... »

Повернулся на другой бок.

«Никаких компьютерных сетей в деревне нет, и никогда не было. И не будет, что характерно! Компьютеры же подключены напрямую вроде как к небу. Типа ноосферы, по Вернадскому. Тут Иван не совсем понял как, но вчера в небе Потапыч, он же Перун, бог войны и грозы тренировал своих бойцов-защитников, а по совместительству сына и племянников...»

Еще один оборот вокруг своей оси. Простыня сбилась и намокла.

«Его заметила Васька, та, которая по ночам, когда тело девочки спало, выходила погулять по деревне в виде белой кошки. Она одна в деревне имеет смартфон и использует его как обычные люди. Правда ей для этого приходится каждый день ходить на Кудыкину гору, туда, где этот интернет ловится. Именно она послала ему фотографию наличника с окна библиотеки...»

Снова повернулся и откинулся на спину.

«Зачем я понадобился волхвам? Не понял. Намекали, на какие-то знаки, но... Надо будет завтра спросить. Или уже сегодня...»

Сквозь ресницы было видно, что в комнате еще темно, но при этом звуки за окном говорили, что утро вот-вот наступит. Закричал на краю деревни петух, ему ответили с другого края. Значит, рассвет! Солнце зацепилось за краешек земли и стало выглядывать из-за бугра. Раздался звон колокольчика. Коровы пошли на луг. Их гнал пастух. Иван отчетливо слышал щелчки кнута. Если бы рядом была городская улица, и проходила станция метро? Он бы их даже не услышал... Стоп, метро... Я же здесь видел что-то похожее на метро...»

Наконец, он провалился в утренний глубокий сон и проснулся только тогда, когда его начали трясти его за плечо.

– Дядя Ваня, вставайте. Нам пора, – услышал он над собой девичий голос и открыл левый глаз. Впрочем, почти ничего не увидел, кроме края пышной подушки.

– Куда пора? Зачем пора? – судорожно выговорил он, пытаясь разлепить правый глаз. И только тогда увидел, что его тянет за руку с кровати та самая девочка Василиса, которая кошка. Было в ее движениях что-то еле уловимое кошачье. Ласковое, но с коготками. – Сколько время?

– Дядя Степа велел мне сводить Вас на гору, а уже почти восемь утра.

– Всего восемь? – он попытался разлепить ресницы пальцами. – Почему так рано?

– Какое там рано. Поздно, нам еще позавтракать надо. А до горы, знаете сколько идти. Топать и топать. Если повезет, пройдем через дуб, конечно, но рассчитывать на это не стоит. Вставайте, а я пока пойду на кухню, чайник поставлю. Нам тетя Степанида сырники со сметанкой сделала.

Василиса закрыла за собой дверь, оставив его одного. Иван нехотя принял вертикальное положение и понял, что спал совершенно голый, а его одежда и трусы аккуратно сложена рядом на тумбочке, возле которой, как ни в чем не бывало, стоял его пропавший кейс. Иван пнул его ногой. Кейс тяжелый. Значит, аппаратура на месте. На всякий случай открыл крышку и заглянул внутрь. Фотоаппарат, объективы, зарядка. Ничего не пропало.

Повернул голову и увидел, что его планшет заряжается от розетки. Уровень зарядки практически равен 100 процентов. Иван был готов поклясться, что не помнит, как ставил планшет на зарядку. Но, надо было одеваться.

Мысли работали быстро. Раз аппаратура на месте, то меня здесь уже ничего держит. Итак! Выхожу с длинным объективом, благо нужный мне наличник рядом, на другой стороне улицы. Делаю пару кадров. Говорю всем «До свидания!» И домой. Пятнадцать минут через поле. В машину. Развернусь где-нибудь на дороге. К обеду буду в Москве.

Надел трусы. Взял в руки футболку и джинсы. Втянул

ноздрями запах свежевыстиранного и поглаженного белья. Блин, надо будет поблагодарить за заботу как-то. Денег оставить, наверное.

Быстро оделся. Так, берцы. Где они? В комнате их не было. Наверное, разулся в прихожей. Прямо над его кроватью нависало окно, заботливо прикрытое занавесками, так, чтобы солнечный свет не падал на него. «Интересно, что видно из окна?» – подумал он, – вдруг оно выходит на улицу». Тогда я телевизор смогу достать наличник, да еще с верхнего ракурса. Да. Получится хороший кадр. Он рывком отодвинул занавеску, пустив в комнату яркий солнечный свет. Погода на улице была ясная, но на небе все же тучки собирались.

Иван опустил взгляд. Да. Из окна была видна улица, был виден парадный подъезд дома Потапыча. Ворота, через которые он входил в дом, но на другой стороне улицы не было библиотеки. Был совершенно другой дом. Иван недоуменно потряс головой. Не может быть, а где библиотека? Он посмотрел в сторону и увидел, что она рядом, но на три дома левее, и нужное ему окошко на телевизор уже не поймает.

«Как же так? Мы же вчера только улицу перешли? Опять какая-то ерунда получается, а он был уверен, что с рассветом все вернется на круги своя».

В животе заурчало. Организм требовал своего. Раз проснулся, значит, дай ему пожрать.

Кухня на первом этаже была большой и светлой, соединенной с залом для пиршеств. Длинный стол в центре зала легко мог вместить человек сорок гостей. Во главе стола стояло два огромных кресла. Даже можно сказать трона.

Василиса вертелась у кухонной плиты. Она была одета в легкое платье. Сверху на него был накинута передник. Волосы ее на этот раз были стянуты в один большой пучок сзади. Девочка очень старалась вести себя как взрослая.

Она увидела, как Иван спускается по лестнице, и достала из печки тарелку с сырниками. Поставила их на маленький столик. Полезла в холодильник, достала оттуда плошку со сметаной. Молоко было налито тут же в крынку побольше. Чайник закипал и издавал утробные звуки.

– Чай с молоком? Или без? Или просто молоко?

– А кофейку нет?

– Есть, конечно. – Василиса встала на табуретку и достала банку кофе из шкафа. – У нас просто его никто не пьет. Держим для гостей.

Иван поставил кейс на пол, рядом со своими берцами. Они стояли тут же у входной двери.

– Скажи, а как так получилось? Вчера вроде библиотека казалась рядом, а сейчас до нее идти надо.

Он сел за стол и поискал глазами вилку.

– Ничего удивительного, – ответила Василиса, – в деревне искривленное пространство. Мы к этому давно привыкли. Ты тоже скоро привыкнешь.

– Как так искривленное?

– Ну, ты разве никогда там такого не наблюдал? – Василиса кивнула неопределенно головой, но было понятно, что имелось в виду, что «там», это пространство за пределами деревни, – как едешь куда-то на работу, спешишь, обгоняешь тихоходный транспорт, приезжаешь на места, а этот транспорт уже там стоит.

– Ну, пару раз было, – согласился Иван.

– Вот, – Василиса показала открытые ладони, – а здесь это всегда и со всем. Так что не удивляйся.

Она положила перед ним столовые приборы.

– Почему? – не унимался Иван.

– Место такое. Давай кушай и пошли.

– Знаешь, а я, наверное, передумал. Раз фотоаппарат со мной, то по-быстрому сделаю фотографии и пойду назад. Ты же не будешь возражать?

Василиса тоненько прыснула в кулачок.

– Я нет, а вот дом явно будет против. Думаешь, он случайно подальше отъехал? Нет, просчитал тебя на сто ходов вперед. Можешь, конечно, попробовать. Но только время потеряешь. Поэтому не настаиваю, но рекомендую, не сворачивать с намеченного плана. Будет и проще, и быстрее.

Иван решил поупрямиться.

– Я все же попробую.

Василиса пожала плечами.

– Как хочешь! Поешь сначала. – Она подвинула к нему

тарелки. – Сметанки побольше накладывай.

– Спасибо.

Иван налег на завтрак, исподволь рассматривая сидящую с умным видом Василису. «Вот странно. – думал он, – Получается, я вижу перед собой ребенка, а разговариваю с ней как с взрослой. Она же разговаривает со мной как с дитем неразумным, тоже видит перед собой ребенка. Или все же взрослого? А может это опять искривленное пространство?»

– Нет, просто у меня с детства было больше возможностей для развития. И я ни одной не упустила, – в унисон с его мыслями объяснила Василиса.

– Я что сейчас вслух сказал?

– Нет, но твои мысли на лбу написаны, – Василиса прищурилась и провела рукой по линии бровей. – Как на теле-тайпной ленте.

Сказала она это с таким серьезным видом, что Иван коснулся своей рукой лица, чтобы проверить и наткнулся на шрам, который рассекал его щеку.

Это еще что такое? – он посмотрел по сторонам. Вспомнил, что в прихожей висело зеркало. Соскочил с табурета, добежал до него и в ужасе отшатнулся.

Из зеркала на него смотрел молодой Иван Сазиков, а на щеке у него был шрам, сильно уродующий его лицо.

– Где это я так? – не понял он и потер щеку, проверяя, не нарисован ли шрам.

Василиса сложила тарелки в раковину и быстро начала их мыть.

– Пока просто прими как данность. Шрамы вообще-то украшают мужчину, а боевые тем более.

– Какие-такие боевые шрамы? Откуда они? Я не держал в руках ничего тяжелее фотоаппарата, – еще раз потрогал свое лицо, – и не собираюсь держать, если ты думаешь, что я буду играть в вашу непонятную игру.

Василиса встряхнула тарелкой, смахивая с нее воду.

– Какой ты нудный, Иван! Неужели ты не понял, что это уже давно не игра. И вообще никогда игрой не было.

Иван не стал ее слушать. Он надел свои берцы. Даже не стал их шнуровать. Просто сунул ноги внутрь. Схватил кейс и выбежал на улицу. Ему уже не надо было никаких фотографий. Он просто решил сбежать. Выскочил на крыльцо. Затем со двора.

Под забором в тенике спал черный пес. Черный пес поднял голову и посмотрел на дверь, из которого выглянула Василиса.

– Ну, что разлеся. Иди за ним. А то натворит сейчас делов-то. Как успокоится, проводи, его к дубу. Я буду там ждать.

Пес нехотя поднялся, потянулся, помахал хвостом в знак своего доброго расположения духа и в развалку проковылял на улицу вслед за убежавшим Иваном, который уже успел отбежать на приличное расстояние и распугать всех уток и

куриц, вышедших на обочину дороги, щипать подорожник.

Иван почти не смотрел по сторонам. Если бы он умел ориентироваться по солнцу, то сделал бы это, но он этого не умел. Планшет же в данном месте оказался бесполезной железкой. Включился, покрутил картинку «Поиск сети» и в итоге выдал, что «Сеть не обнаружена». Самое обидно, что при этом планшет сожрал половину зарядки. А ведь ему говорили, что в деревне нет сети. Он не верил.

Иван вспомнил, что «молоковоз» привез его оттуда, где был лес. Значит, надо дойти до него. Там дорога вдоль опушки доведет его до дуба. Затем надо повернуть в сторону и еще через пятнадцать минут будет трасса. На машине они ехали где-то полчаса, значит пешком около часа. Сейчас примерно полдевятого.

Значит, в полдесятого должен быть в машине.

Иван шел и не оглядывался. Он не хотел даже думать о том, что придется возвращаться. «Да, чтобы я еще раз куда-то поехал, сломя голову. Никогда. Блин, говорила же Муля, умная женщина, хватит носиться по деревням. Пора искать приличную работу? Тут же поймал себя на мысли, что в последнее время совершенно о ней не думал. Был занят работой, книгой, вот и за этим окошком полетел, даже не посоветовавшись с ней. Просто поставил перед фактом, да и то уже когда вернуться было невозможно.

Прошло восемь лет их совместной жизни. Он уже не да-

рил ей цветов. Давно не дарил. А может нарвать ей сейчас ромашек? Завянут, пока доеду. Ну, все же. Можно же в какую-то емкость их поставить. На заправке купить. Ей будет приятно. Опять же можно будет сказать, что ездил за полевыми цветами, чтобы ее порадовать. А что хорошая идея?

Мысль – действие. Иван шагнул к первому замеченному цветку на дороге и понял, что это репейник. Колючки были большие с алыми сердцевинами. Издалека красиво смотрелись, но это был явно не тот цветок. Прощения с таким не попросишь. Ему нужны были ромашки, фиалки, что-то такое нежно-мимимишное. Он ведь видел это все, когда ехал в деревню.

Но вокруг была какая-то болотная растительность, из которой торчали низкорослые деревья. «Болото! – догадался Иван. – Блин, а где поле? Наверное, оно начинается возле дуба. Ну, ничего я скоро туда дойду». Лес начинался по левую руку, по правую же руку, куда глаза глядели, расстилось болото.

Вот и дуб. Ветку со вчерашнего вечера никто не трогал, она была подперта рогатиной, и можно было пройти под ней, не касаясь листвы. Так, развилка. Странно. По идее с этого места уже должна быть видна трасса, но вьющаяся в сторону трассы дорога, вихляя, уходила вдаль и там растворялась. «Возможно, здесь просто такой изгиб местности». Сейчас разберемся. Свернул направо и снова пошел по тропинке. Через несколько минут понял, что в прошлый раз по ней

свободно проезжала машина, а сейчас ему тесно идти.

Заблудился? Развернулся, пошел обратно. Снова дуб. Снова развилка. Снова дорога. Ну, да ошибся. Вот та дорога, которая мне нужна. Снова пошел по ней и снова через какие-то несколько метров она сузилась до еле заметной тропинки. Может быть, именно об этом говорил Потапыч? Дорогу развезло. Точно. Надо идти по ней, пока не упруешься в трассу. Просто трава после дождя буйно разрослась, а по дороге мало кто ездит. Где же ромашки? Это стало навязчивой идеей, и он закрутил головой во все стороны.

Ромашек нигде не было! Еще минут пятнадцать бесполезной ходьбы! В ногах стало хлюпать то ли от пота, то ли натертая мозоль закровоточила. Когда совсем обессилел, он снова вдруг вышел к дубу, возле которого стояла та самая рыбачка с сигаретой в зубах. Одета она была также во все зеленое: болотные сапоги, плащ.

– Ну, давай знакомиться, мил человек, – процедила она сквозь зубы, и смачно сплюнула на землю. – Алла Вячеславовна. Можно просто Алка! Чай не бары. Вижу, совсем запыхался? На ту сторону хочешь? Переведу, если заплатишь.

Сколько? – Иван решил не торговаться. Вот сколько скажет, столько и отдаст.

– А что у тебя есть ценного?

Иван похлопал по карманам. А ведь кошелек-то с документами он в машине оставил!

– У меня карточка в машине, вы мне дорогу покажите, а

я вам потом на телефон скину, сколько скажете.

Алка засмеялась так, что спугнула несколько птах в ку-стах.

– На какую карточку? Ты что мне зубы заговариваешь? Золото, серебро есть. Если нет, то сумка твоя вещь хорошая. Я уже к ней привыкла. Рыбу в нее складывать буду. Ее от-дашь, покажу дорогу домой.

Сумку? – не понял поначалу Иван. – Кейс. Зачем он Вам?

На лицо Ивана легла чья-то тень. Он поднял глаза и уви-дел, как на ветку дуба сел рыжий филин. Одновременно из леса раздался собачий лай.

– О, явились не запылились, – заворчала Алка. – Развести парня не дали. Ну, что мне уж и попробовать нельзя, что ли? А вдруг получится. Да, знаю, что с чем пришел, с тем уйдет. Знаю, что с собой ничего не возьму, но вдруг получится про-шмыгнуть во время боя по краешку.

– Угу, угу, – гукнул филин, как будто соглашаясь с ней.

– Ты, это Степаниде скажи, – услышал Иван голос Васи-лисы, и оглянувший увидел, что она стоит на тропинке за его спиной, а возле ноги сидит черный пес.

– А что сразу Степаниде? Старухе и не обязательно об этом знать, – уперлась Алка.

– Ты куда шла, Алка? На рыбалку, вот и иди лови свою золотую рыбку, а здесь она уже уплыла, – сказала как отре-зала Василиса. – И запомни, будешь еще у батюшки сигаре-ты кланчить, все расскажем Потапычу. Он тебя по самый не

балуи отхлестает. Имей в виду. Не посмотрит на возраст. Ты же знаешь.

– Да, не клянчила я, он сам дал, – засмущалась Алка. – Ну, так я пойду.

– Иди, иди, мужу привет передавай.

Алка будто растворилась в зеленой чаще. Василиса покачала головой ей в след.

– Вот, что за человек. Позорит нашу фамилию.

Иван устало присел на край тропинки. Он уже не знал, что делать. Часы на планшете показывали полдвенадцатого дня. Солнце уже почти было в зените, а потому нещадно палило. Как ни в чем не бывало, Василиса обратилась к нему.

– Ну, что пойдем на гору. Время еще есть.

– Какое время?

– Чтобы озвучить твое желание.

– Какое желание?

– Да любое. Хоть жене позвонить, хоть президентом стать. Сколько фантазии хватит.

– И что? Сбудется?

– Если успеешь загадать ровно в полдень, пока тени нет, то вероятность весьма большая. Главное сказать вслух и на четыре стороны. Ветер подхватит твои мысли и разнесет по человеческим сердцам, если они начнут биться в унисон, то все в мире перевернется так, что сбудется. Ну, а если в резонанс войдет, то не обессудь. Придется встретиться со старухой.

– Со Степанидой?

– Да, она же местный участковый. Будет проводить дознание, чего ты такого удумал и решать, что с тобой делать.

От этих слов повеяло холодом. Холод был загробный. Дохнуло даже могилой откуда-то с поля или болота. Тут-то Иван понял, что ему говорил Потапыч. Действительно с трех сторон его окружало болото, с четвертой стороны был лес, в котором, судя по всему, где-то в центре должна была быть гора.

– А позвонить- то, я просто смогу?

– сможешь.

– Тогда пошли.

Иван, кряхтя, поднялся и надел на шею свой кейс. Он показался ему просто неподъёмным, но теперь он это уже знал точно... «Своя ноша не тянет!»

Это была скала или цельный кусок гранита, поросший мхом и присыпанный со всех сторон землей. На вершине его дождями и снегами вымыло практически круглую площадку с острым зубом на краю.

На зубе том росла кривая сосна, проткнувшая своими корнями всю скалу насквозь, и слившейся с ней в одно целое.

Цепляясь как обезьяна за ветку сосны одной рукой, Иван, балансируя на одной ноге, другой рукой держал фотоаппарат, и смотрел через видоискатель на окрестности. Пейзажи, которые открывались вокруг, были завораживающим.

Скала, была чуть выше, чем самые высокие деревья в лесу. Сам же лес был как бы в одной большой чашке, или блюдечке с голубой каемочкой.

Все, что было голубое, была вода.

На краю леса прилипла деревня, и в то же время врезалась углом в поле-болото. Лишь узкая пуповина тропинки соединяла остров с большой землей, по которой прошла трасса, и в дымке был виден город с дымящими как у парохода трубами.

С другой стороны текла река Проня. По реке тоже плыл пароход, а на середине реки стоял паром.

Иван делал панорамные снимки и не мог остановиться.

Посмотрел вниз. Василиса спокойно сидела у подножия скалы и гладила пса. Филин кружил над головой. Площадка скалы была очень похожа на пупок. Но поначалу Иван не придавал этому значения.

– Вау, как круто! – закричал он в никуда. – Это реально круто!

– Не трать время, – услышал он голос Василисы, – до полудня осталось пару минут. Тень уже почти ушла. Реши, что будешь делать? Звонить или загадывать желание?

– Что? Не слышу тебя. Я чувствую себя на вершине мира, – крикнул Иван вниз громко, продолжая с ней разговор, – А, понял. Нет, президентом я быть не хочу, ответственности много, а вот поболтать с ним о жизни было бы здорово. Наверное. Рассказал бы ему, какая здесь красота. Ладно. Буду

звонить.

Только на вытянутой руке планшет смог поймать сотовую сеть размером в одно деленье. Почти сразу пикнуло сообщение. Пришла запоздавшая ответочка. «Письмо получено и прочитано». В следующее мгновение планшет задребезжал уже входящим звонком. Звонила Муля, жена. Он переключил телефон на громкую связь и закричал в трубу.

– Любимая, не волнуйся, я живой и уже на всех порах лечу к тебе, – он старался передать всю нежность, которую чувствовал в этот момент, но явно либо переиграл, либо на таком расстоянии нежность не передавалась, потому что услышал, как где-то там в другом мире бьется в истерике голос рассерженной женщины.

– Сазиков, ты что там совсем обалдел со своими деревяшками, где тебя вообще носит?

Слова Мули обожгли и обидели Ивана, она и раньше так говорила, но сегодня это звучало слишком.

– Я же послал тебе смску, что задержусь, – все же попытался оправдаться Иван.

– Задержаться можно на пятнадцать минут, можно на час, на два, но не на сутки, – голос жены был непреклонен.

– Любимая, не ругайся, здесь совсем нет связи. Ты даже не представляешь, что мне пришлось сделать, чтобы добраться до сети.

– И представлять не хочу. Сказки мне рассказываешь. Захотел бы, нашел способ. Сейчас связь даже в метро есть.

– Зая моя, я уже спешу к тебе, сломя голову.

– Мне уже все равно! Можешь вообще не возвращаться.

Короткие гудки показали ему, что разговор закончен.

– Блин, и как теперь быть?

Иван с досады на мгновение забыл, что стоит на одной ноге и держится рукой за ветку. Переступил с ноги на ногу, замаялся и ... выпустил из рук планшет. Как сухой лист он блеснул в полете и исчез в зеленых зарослях где-то внизу.

– Ну, что? – позвала его Василиса снизу, – Поговорил? Может успеешь маленькое желание. Тени еще не появились.

Но вместо этого Иван прыгнул со скалы.

– Да, чтоб Вас всех. Какие к черту желания? Я взрослый человек, уже давно в это не верю. Я не могу жить, без интернета, без телефона и телевизора. Без банкомата, наконец. Я вообще из-за Вас планшет потерял, а там вся моя жизнь. Как мне теперь без него? Вот как теперь жене сказать, где я. Она уже черт знает что подумала.

Он все еще был в состоянии разговора с женой, и не сразу понял, что наговорил кучу обидных слов совершенно чужому человеку. Да еще почти ребенку. Все-таки любимые женщины в состоянии достать любого мужчину за несколько секунд и на любом расстоянии гораздо лучше, чем десяток русалок и кикимор вместе взятых. Василиса все это время стояла нахмутив бровки и смотрела на него исподлобья, готовая вот-вот заплакать. Ему стало стыдно. Он осекся, покраснел и попытался загладить вину.

– Прости, – выдавил он из себя, – я погорячился.

– Ну, вот. Первые разумные слова от тебя услышала, – обиженно ответила Василиса. – Что еще скажешь?

– Мне не надо было срываться. Ведь вы не виноваты в моих проблемах. Ты, ты, – он осекся, но все же закончил, – ты можешь мне сказать, как отсюда выбраться?

Василиса посмотрел на солнце. Оно уже преодолело верхнюю точку небосклона, и предметы стали отбрасывать тени.

– Сегодня один шанс ты уже упустил. Если не будешь делать глупостей, сможешь попробовать попытку завтра, – увидев в глазах Ивана немой вопрос и удивление, добавила. – Но если прямо вот совсем невтерпеж, то можешь попробовать уговорить дядю Степу. Может быть он и откроет для тебя вторую комнату.

Черный пес тяжело вздохнул, поднялся, зевнул и вразвалочку пошел в сторону леса. Иван проводил его взглядом.

– Куда это он?

Глава 3

Степанида варила гречневую кашу. На плите стоял огромный котел, куда она периодически заглядывала, проверяя готовность. Помешивала, закрывала и возвращалась к кухонному столу, на котором лежало мясо.

Нарезав тонкими ломтиками, она бросала их на шкворчащую маслом сковородку, добавляла морковки и специй по вкусу. Еды было много. Как будто надо было накормить не только мужа и сына, но и всех, кто придет к ним в гости.

Когда на кухню забежал Филя, или Филипп, каша была уже почти готова. Осталось только добавить в нее соли, пересыпать в котел содержимое сковородки и перемешать.

Рыжий мальчуган в круглых очках и с всклокоченными волосами, в которые было воткнуто золотистое перо филина на манер индейцев племени чероки, залез на табуретку. Подвинул к себе плошку с вишневым вареньем, запустил туда палец и тут же получил ложкой по лбу.

– Куда полез? Аппетит перебивать, – осадила его Степанида и поправила свою толстую косу.

Увидев это, хулиган быстро одернул руку.

– Я только попробовать.

– Вижу, – ответила Степанида, – давно проснулся?

– Минут десять назад. А Шурка где?

– Еще спит. Всю ночь с пацанами по Парижу мотался. От-

сыпается.

– Ясно, – поджал губы Филя, – и мне не сказал. А через что заходили?

– У Сидора портал открывался скоростной, но ненадолго. Филя обвел глазами кухню в поисках чего бы такого перехватить на перекус, чтобы не попасть под руку кухарки.

– Кашу будешь? – поймала его взгляд Степанида, и, не дожидаясь ответа, подвинула к нему тарелку, над которой поднимался ароматный пар. – Руки только помой.

Филя встал, сходил к рукомойнику. Вернулся, встряхивая руками. Снова сел за стол.

– Тетя Степанида, а Василиса Ивану опять соврала?

– Как? – склонив голову, переспросила жена Потапыча.

– Она пообещала ему, что дядя Степа сможет отправить его через комнату домой уже сегодня.

– Понимаешь, Филя, – попыталась объяснить Степанида, – Василиса умная девочка. Она знает, что делает. И вроде бы да, это вранье, но это ложь во благо. Если все будет хорошо, то Иван сможет вернуться именно сегодня. Но... – она немного помолчала, – через сто лет.

Филя задумался.

– Это все из-за Калинова моста. Да?

Степанида не стала врать:

– Да.

... Ивана бросили к ногам воина. Он упал и уперся носом

в загнутый мысок сапога, почувствовал острый сладкий запах кожи. Руки сзади были стянуты ремнем у локтей и от этого нещадно ныли.

– Пустите меня, пожалуйста, я ничего не сделал, – разбитыми губами пролепетал Иван, – я просто... Просто вошел в комнату.

Он похлопал глазами, пытаясь рассмотреть через дым костра человека, от которого видимо зависела сейчас его судьба.

Высокий седой мужчина славянской внешности, с голубыми умными глазами, с казацким чубом и длинными усами был одет в парчовый халат, из-под которого выглядывала кольчуга. Халат был опоясан шелковым ремнем, на котором висел меч в ножнах.

Он сидел на раздвижном стуле, опирался рукой на меч, и веткой раздвигал угли. Они встретились взглядами, но потом Воин отвел их в сторону и посмотрел куда-то в сторону, за границу света от костра.

– А! Это ты Волхв. Давно тебя не видел. – Услышал Иван и понял, что Воин разговаривает с Потапычем. Причем разговор шел на какой-то тарабарщине, но Иван понимал все. – Ты снова со своим пророчеством?

– Да, Стефан. Снова я. И на этот раз не один.

– А с кем ты?

– Его зовут так же как и твоего деда. Иван. Он чародей, потому что у него есть волшебный глаз, который сохраняет

события.

Иван увидел, как воину передали его фотоаппарат.

— Чародей? — Воин с интересом осмотрел японскую технику, — бойцов у меня много. А вот чародеи в диковинку. Развяжите его.

Ивана поставили на ноги, развязали руки. Воин кивнул еще раз головой, и Ивану подвинули камень. Воин кивком головы предложил ему сесть, а потом снова обратился в Волхву.

— И ты садись, Волхв. Ты сегодня один, без старухи?

— Она дома. Готовит угощение. Ведь завтра будет большая битва.

— Ты пришел мне сказать, что стрела удачи снова пролетит мимо меня, и я попаду к ней на пир?

— Нет. Такого она не велела тебе передавать. Попросила подарить меч чародею и поставить его рядом с тобой во время битвы. Пусть учится быть воином.

— И все?

— Да, все.

— Хм, странное пророчество. Я уже стар и буду смотреть на завтрашнюю битву со стороны. Хотя... — Воин задумался. — Пусть будет по-твоему. В прошлый раз я тебя не послушал и провел в плену у Юрия почти пять лет.

Он снова только кивнул головой, и Ивану сунули в руки тяжелый меч в ножнах. Иван попробовал отказаться, но старый Волхв остановил его, коротко бросив.

– Если хочешь вернуться, держи его крепко!

Вдали заржали кони. Много коней. Потом раздался лай собаки, и уханье филина.

– Будь рядом с ханом, и если тебе повезет, завтра снова встретимся.

Он встал.

– Мне пора, Стефан.

Старый Волхв встал. Воин поднялся вместе с ним.

– Я провожу тебя до твоей колеснице.

– Не возражаю.

Старый Волхв и старый воин ушли в ночь. Волхв шел ровно, воин немного прихрамывал. Иван проводил их взглядом. Ему показалось, что они шли прямо по звездному небу. Звезды большие и малые были кругом. Они светились, мерцали, горели и расступались перед двумя мужчинами, мирно разговаривающими друг с другом.

Они шли к кибитке, на которой стояла юрта. Вход в юрту был украшен резным наличником, тем самым, что висел на библиотеке. Тем, самым, что привел его в деревню Волхвы. Наличник будто светился изнутри, его узор можно было рассмотреть очень четко, светящейся солнечный круг в короне. Совершенно не к месту, но Иван подумал, что надо бы его сфотографировать. Фотоаппарат лежал тут рядом, на расстоянии вытянутой руки, но он так и не решился потянуться за ним.

Когда старый Волхв вошел в центр наличника, свет внут-

ри него погас и кибитка с юртой стали невидимы среди мерцающих огней.

Тяжелые шаги подсказали ему, что воин возвращается. Иван, наконец, решился и потянулся за фотоаппаратом. Он сделал это на полном автомате, так как делал много раз, как дышал. Снял крышку с объектива, настроил его на ночную съемку и резко вскинул вверх в тот момент, когда Воин оказался в зоне света от костра.

Яркая вспышка осветила лицо Воина так, что тот прикрыл лицо рукой и откинулся назад. Иван услышал, как тысячи мячей лязгнули в ножнах, готовые разрубить его на мелкие лоскуты. Воин поднял руку, останавливая своих защитников, и заинтересовано спросил у Ивана.

– Покажи, что ты сейчас сделал? Это молния? Ты может метать молнии в людей как Перун?

Утро было туманным. Костер давно потух. Иван замерз. Было очень жестко. Вместо подушки у него были рука и камень, на который его посадили вечером. Теперь же он пытался пристроить его под голову. Укрыться сверху чем-то вроде одеяла или покрывала, ему вообще никто не предлагал. Иван притянул ноги к животу, как можно ближе, и засунул руки под мышки. Когда и это не помогло, он окончательно проснулся и увидел, что Воин спит рядом с ним, закинув руку за голову. Лицо его было направлено в небо. Иван приподнялся на руках и огляделся.

Звезды, которые он видел ночью, на самом деле были огнями кострищ, вокруг которых расположилось войско великого Воина.

На месте, где ночью стояла кибитка с юртой, откуда он выпал через наличник прямо в руки батыров Воина, было ровное поле, на котором паслись стреноженные кони. Ничто не напоминало о том, куда делась кибитка, и куда ушел Волхв.

Лагерь спал. Когда из тумана появился одинокий всадник, его невозможно было не заметить. Он напрямик направлялся к их кострищу.

Великий Воин, казалось, услышал шаги его коня. А возможно, он просто его ждал. Он открыл глаза и сел, скрестив по-монгольски ноги. Иван упал на руки, притворился спящим.

– Пласкиня, ты? – спросил Воин тихим голосом.

– Да. – ответил тот шепотом.

– Нашел броды?

– Нашел.

– Молодец, деревенька твоя, как и договаривались.

– Спасибо, царь! Ты же знаешь. Я бы и без такого подарка все для тебя сделаю.

Воин благодарно прикрыл глаза и чуть заметно кивнул головой в знак того, что оценил эти слова, затем пнул рядом лежащих телохранителей.

– Позовите, Джэбэ и Субэдея.

Охрана тоже как будто не спала. Два человека быстро

вскочили и побежали выполнять приказание.

И сразу лагерь стал оживать. Забегали туда-сюда люди, снова потянулся дым над кострищами. Запахло едой.

Иван проглотил голодную слюну. А еще он вдруг неожиданно понял, что очень хочет по нужде. И именно это чувство больше всего заставило его ощутить реальность. Все это время, где-то на задворках сознания он все еще убеждал себя, что спит и вот-вот проснется и снова окажется где-то в своей машине, или в своей квартире, или где-то еще там, где и ему положено быть в соответствии с законами физики, времени и истории, но...

Он окончательно открыл глаза и понял, что все окружающее его абсолютная реальность. Потому что было холодно, все тело болело, хотелось есть и еще больше хотелось отлить и, как говорят, отправить свои естественные надобности.

Как оказалось, о том же думал не только он один. Причем никто совершенно не заботился о гигиене и прочих вопросах эстетического содержания. Люди поднимались, почесываясь отходили чуть в сторону, и тут же делали свое дело. Единственный кто, решил соблюсти какие-то приличия по понятиям Ивана, был Воин. Он отошел в сторону. В кусты. А вокруг него со всех сторон с мечами на изготовке встали его телохранители. Иван понял, что вопрос приличия в данном случае также не стоял. Это был вопрос безопасности. Потому что именно в таком месте человек находится в самом незащищенном положении. А Воин был не просто воин, он

был царь, князь, хан.

Его положено было охранять. Что и как будет с остальными, не важно.

Когда Ивану стало совсем невтерпеж, он быстро, как все вскочил, отбежал в сторону и присел на корточки. Лопух оказался как раз кстати. Вернулся на свое место и уже не стал ложиться, а снова сел к костру, попытался его разжечь.

Войско готовилось к битве. Какие-то отряды молча поднимались и уходили в туман. Какие-то точили мечи и колья, готовясь принять бой здесь же.

На него никто не обращал внимания. Иван впервые за последнее время смог остаться наедине с собой и попытался оценить ситуацию, в которую попал и принять решение, что делать ему дальше.

Ну, во-первых, кто такой Воин по имени Стефан с отчеством Иванович? При этом слуги и военачальники, которые подходили к нему с докладами, пока Иван объяснял принцип работы фотоаппарата, называли его то Темучином, то Ханом, то Князем, то Царем. Кому как удобнее, и это несколько его не напрягало.

Иван пытался вспомнить из истории такого воина, но его школьных и институтских знаний явно не хватало. Если Темучин, то значит Чингиз-хан, но тот вроде должен быть узкоглазым, монголоидом. Может быть Степан Разин? Но тот, вроде был Тимофеичем. Или все же Иванычем.

Уточнить было не у кого, поэтому Иван решил оставить

эти размышления на другое время. Когда будет под рукой Интернет и всезнающая Википедия. Так теперь дальше. Как он сюда попал? Через наличник. Вошел в комнату в библиотеке. Комната была как комната. Только окно светилось странным светом. Подошел к нему, чтобы разглядеть и ... сзади его толкнули. Все! Вывалился на улицу, которая оказалась не улицей.

Так стоп! Здесь надо сосредоточиться. Наличник. Я увидел фотографию в интернете, она была нечеткой. Нужно было сделать четкую, решил быстренько сгонять и сделать собственный снимок. Будь он неладен! Кто выложил эту нечеткую фотографию в сеть? Кажется, Василиса. Она говорила ему об этом. Кажется или точно? А сейчас, пожалуй, уже и не проверишь. Планшет-то разбился и потерян... Блин, планшет. Иван вспомнил последний разговор с женой. Так и хотелось сказать, говорила же жена. Даже несмотря на то, что она наговорила ему столько обидных слов, он все равно ее обожал и как никогда хотел к ней вернуться.

Так спокойно не нервничаем.

Что нужно сделать, чтобы вернуться? Не ясно. Нужно дождаться волхва, судя по всему. Он обещал прийти за ним, когда закончится битва. Ну что ж. Будем ждать. А что он мог сделать в данной ситуации? Наверное, он должен заняться тем, чем всю жизнь занимался, то есть фотографией.

Да, сейчас надо было попытаться запечатлеть увиденное. Кто ему поверит, где он был, если не будет фотографий.

Муля точно не поверит. Да и с фотографиями разве в такое можно поверить? Все равно скажут, что реконструкторы, фотомонтаж. Попробовал порассуждать, кому бы такие фотографии можно было продать? Да, кадры уникальные, но совершенно некоммерческие, если только выставку потом организовать. «Как я побывал в прошлом?» А что? Сделать их вперемешку с обычными реконструкторскими фотографиями, пусть отгадывают. Блин, ну кто в такое поверит? Все будут говорить, что все одно и то же.

Значит, нужно сделать такой кадр, или что-то такое, во что было бы невозможно не поверить.

Чтобы он сам в это поверил и смог доказать людям.

А зачем ему что-то кому-то доказывать? Как ему вернуться назад, домой, к жене? Вот что главное. Мысль зашла на второй круг. Василиса сказала, что он сможет вернуться через комнату. Блин, еще эти поп-водитель, девочка-кошка, пес-юноша, и филин-ребенок. Старуха-красавица. Библиотекарь-колдун. Русалка-Алка. Кто это люди? Получается, они все ему ввали. Он был игрушкой в их руках. И они все хотели, чтобы он оказался именно в этом месте, в это время. Но зачем? Может, все же это сон. Или какой-то наркотик. Наркотик, да хорошо. Я под кайфом. Тогда почему мне холодно, голодно и страшно.

Почему все эти люди хотели, чтобы я попал именно сюда. Вспомнил! Они говорили о то, что должно скоро что-то произойти. Что? Битва? И что потом? Да, надо дождаться

Потапыча. Вечером, вечером все станет ясно и понятно. Он прокрутил в голове эту фразу еще раз как мантру. «Вечером все станет ясно и понятно!» А пока...

В какой-то момент он даже порадовался тому, что плохо учился в школе, потому-то, если не дай бог, он вспомнил, что такое в принципе невозможно: по законам, физики, истории, времени, – то тогда точно, как-то, можно было бы подумать, что сошел с ума. А так, есть еще какая-то надежда сохранить себя в здравом уме и памяти. Ведь вроде где-то читал о таком, в кино видел. Как такие люди назывались? Попаданы? Попаданцы. Да, он попаданец. О, точно, он в кино? В массовой.

Сейчас режиссер крикнет: «Стоп, снято!» и его отпустят домой.

– Кудесник, нам пора, – окрикнул его Воин, и приказал в сторону. – Дайте ему моего запасного коня.

Отряд Воина состоял из не более чем пятидесяти человек. Воин называл их хевсурами, и они были его личной стражей. Они все сидели на жеребцах черной масти, были снабжены добротным оружием: небольшой круглый щит, короткий меч или кинжал, копье. С головы до ног их тела была прикрыты кольчужными доспехами, которые блестели и переливались на них как рыба чешуя. Причем вместо шлема тоже были капюшоны из стальных колец. Из-за этого не было видно даже цвета их волос. На ногах порты и кожаные

онучи. К седлам приторочены переметные сумки и луки со стрелами.

Воин сидел на белой кобылице. И не нес ни оружия, ни доспехов. Его меч, щит и кольчугу, вез рядом – старый и проверенный дядька, седой, бородатый, лицо которого было покрыто шрамами как кора сухого дерева.

Иван, трясся на молодом белом жеребце рядом с Воином. Фотоаппарат висел на шее, меч ему пришлось закинуть за спину, и притянуть ремнями от ножен, чтобы не мешал. Он не знал, как его приспособить к своему брючному ремню, хотя и видел, что все хевсуры держат свой меч у левого или правого бедра.

Выехав из лагеря, они спустились в широкую балку, по дну которого тек ручей и, невидимые со стороны поля, пошли в сторону противоположную течению ручья. При этом вода смывала все их следы.

Они ехали молча до тех пор, пока солнце полностью не выглянуло из-за горизонта. Только после этого Воин дал приказ одному из хевсуров спешиться, и выскочить наверх балки, чтобы осмотреться.

– Никого не видно, царь, – крикнул с края обрыва хевсур.
– Отлично.

Воин подстегнул своего коня и тот стрелой выскочил из балки, преодолев достаточно высокий подъем. Все хевсуры повторили тот же кавалерийский прием без особых усилий, а только Ивану пришлось сильно постараться, чтобы просто

усидеть в седле, когда он попытался только ударить жеребца ногами по бокам. На более сложный маневр он просто не решился.

– Я не смогу подняться за тобой, Степан! – Крикнул он, осознав, что сейчас останется один, если не обратит на себя внимание. Слова «царь» он просто не мог выговорить. – В стране, откуда прибыл я, на лошадях не ездят. Я не искусен в их управлении.

Воин засмеялся и что-то крикнул своим хевсурам. Шестеро из них, засмеялись в ответ, спешили, спрыгнули в балку. Подняли жеребца вместе с Иваном и вынесли его из балки на руках. Аккуратно, поставили рядом с Воином.

– Если снова отстанешь от нас, кудесник, – сказал Воин, со смехом наблюдая за происходящим, – Долго на воле не проживешь. Быстро свободу потеряешь. Это я все еще верю словам Волхва, а хазары их не слышали. Их тут рыскает много, смотри уведут в полон.

Затем развернулся, и ударив пятками по бокам, пустил кобылку рысью в сторону поля. Отряд быстро пристроился за ним. Ивану пришлось изрядно попотеть, и стереть всю задницу, чтобы не отстать. Как ни странно, слова Воина, будто придали ему новых сил и второе дыхание.

Поймав ритм, он перестал биться пятой точкой о круп животного, и в итоге преодолел расстояние до холма наравне со всеми. Обогнул его и увидел огромный шатер, стоявший у подножия. Еще несколько шатров поменьше стояли чуть в

стороне. Вокруг этих шатров кипела простая жизнь стойбища. Бегали дети, собаки, курицы, козы. Шумели женщины. Два десятка телег стояли по периметру шатров, создавая линию обороны.

Воин проехал сразу к большому шатру и вошел внутрь. Хевсуры, распределились по краям лагеря, заняв места между телегами. Несколько хевсуров, поднялись на вершину холма, встав дозором. Два хевсура встали у входа в шатер, а еще один встал чуть в стороне, взяв в руки большой стяг, на котором золотом был вышит дракон.

Иван, передав жеребца конюхам, молодым ребятам, бегавшим без порток, в одних рубахах, подсел к тем, кто начал готовить еду, справедливо полагая, что если им как-то помочь, то ему дадут поест. Так и вышло. После того, как он принес охапку дров и помог наколоть дров, поддержав несколько бревен, хевсуры пригласили его к себе и даже предложили познакомиться.

– Вот смотрим на тебя и удивляемся, – сказал ему Дядька, – ты вроде не парубок, поясом кожаным опоясан, значит обряд прошел, а вот с мечом обращаться не умеешь. Или зарок какой взял? Почему меч на пояс не вешаешь?

Дядька показал ему свое ремеш.

– Вот у тебя меч висит, вроде и удобно, но ведь не успеешь его вынуть, когда понадобится. Или ты прием какой знаешь? Поделишься?

– Да, какой там прием, – отмахнулся Иван, с удовольстви-

ем вдыхая аромат похлебки, которую начали варить в котле. — Я меч в руках никогда не держал.

— А почему тогда волхв велел тебе меч дать?

— Не знаю, сам удивляюсь.

— А правда, что твоя штука может лицо человека запомнить?

— Может.

— И наши лица запомнит? Или только князя?

— Любые, если хотите и Вас запомнит. — Иван сказал и тут же прикусил язык. Он вспомнил, что где-то читал по то, что в племенах Тихого океана, фотографов, которые хотели снять пигмеев, убивали, потому что считалось, что вместе с фотокарточкой те забирают душу. И от это мысли его руки вспотели. «А вдруг здесь такие же порядки?» Однако, никто не возмутился. Тогда он открыл крышку фотоаппарата.

— Соберитесь в кучу. Я Вас сейчас... запомню.

Хевсуры не заставили себя долго ждать.

— Внимание, — Иван хотел крикнуть: «Сейчас вылетит птичка», и осекся. Его шутку могли не оценить. Он просто навел видоискатель, отключил вспышку, чтобы сэкономить энергию и нажал кнопку. — Вот смотрите?

Он повернул фотоаппарат экраном вверх и начал показывать, что получилось. Несколько небритых, нечесаных мужиков, с лоснящейся грязной кожей, с черными от копоти зубами, вооруженные до зубов и с начищенным до блеска оружием. В центре восседал колоритный Дядька.

Кадр был еще тот.

Иван ожидал, что фотомодели будут не довольны, но напрасно. Для хевсуров любое развлечение было в диковинку, поэтому они с интересом разглядывали себя на экране фотоаппарата. При этом каждый попробовал, не вода ли это. Попытался пустить круги в своем отражении. И естественно заляпали все грязными пальцами.

Хевсуры остались довольны. «Кудесник, вот не сходить мне с этого места!» После этого Дядька подсказал ему, как перевесить меч на ремень, так чтобы тот не отвязался и не мешал при ходьбе. Потом показал как его вынимать из ножен и держать.

– Запомни, меч это продолжение твоей руки. Куда рука, туда и он! Бей, коли, отбивай. Ну, в бою побываешь, сам все поймешь, если жить захочешь...

– В бою?

– Ну, а ты как хотел. Царь сюда бы просто так не приехал бы. Раз с женой уединился, значит, скоро быть кровавому пиршеству.

– А с кем биться-то будет?

– Известно с кем. С Рюриками. Ненавидит он их люто. Они его первой семьи лишили, дочери, царства, в бочке с грязью держали аж пять лет. А он как гора, не зря его Кучей величают. Из плена сбежал, войско новое собрал, вторую жену взял и теперь назад вертается, свое возвращает.

– А Вы?

– А мы у царя в должниках. Как свой долг выполним, уйдем к себе домой. В горы. Но это еще не скоро.

Глава 4

– Едут! Едут! – раздался голос с вершины холма, и вслед за ним по траве на спине вниз скатился молодой хевсур с крученым луком в одной руке и стрелами в другой. Он подбежал к почетному караулу у входа в большой шатер и громко крикнул.

– Доложите хану, что едут!

– Да слышу я, – раздался голос великого Воина из шатра, – иду. Не шумите! Кто едет?

Молодой хевсур доложил, что из-за дубравы появился конный отряд рыцарей, который шел под неизвестным им стягом. Отряд был небольшой. Около тридцати рыцарей в стальных тяжелых доспехах. Но первыми в отряде ехали священнослужители. Как минимум двух человек в черных облачениях усмотрел глазастый дозорный. Между рыцарями катились две тяжелые телеги. На телегах стояли сундуки.

Хан внимательно выслушал доклад и кинул взгляд на Дядьку.

– Ну, ты знаешь, что делать?

Дядька нахмурил брови.

– Сколько раз уже было обговорено.

Развернулся и окрикнул десяток хевсуров, самых сильных, самых взрослых и опытных. Они оседлали коней и ускорили в ближайшую рощу, растворились в листве. «Засада, –

понял Иван. -На всякий случай». Остальные хевсуры тоже начали готовиться к встрече. Какая она будет? Никто не знал. Но, что даже простой разговор мог превратиться в суровый спор на мечах, это все понимали.

– Кудесник, иди со мной. – Хан позвал Иван. – Как твой глаз? Живой?

– Живой.

– Хочу, что-то тебе показать. Пошли.

Хан мельком окинул новый вид Ивана, и довольно хмыкнул. Они вошли в шатер.

В центре шатра был расстелен большой персидский ковер. У стены стояла колыбель, в глубине шатра возвышалось большое ложе, покрытое шкурами медведя, льва и волка. Свет в шатре исходил от бездымных лампад, которые стояли на треногах по углам ковра. На ковре играл младенец. Со всем крохотный кучерявый мальчик, лет трех от роду. Одетый так же как взрослые мужчины, но во все миниатюрное: парчовый халат, атласный пояс, сафьяновые красные сапоги.

Рядом с ним на коленях сидела молодая, красивая женщина с раскосыми глазами. Она подавала ему различные предметы: детскую игрушку-погремушку, которая напомнила Ивану царский скипетр и мягкий сшитый из лоскутов кожи мячик.

– Кулхан, Давай, бей, бей мячик шаркунком, – сказала женщина ласково, – покажи отцу, как ты умеешь управлять

миром.

Кульхан встряхнул берестяным жезлом, и тот загремел сухим горохом. Хан засмеялся.

– Хулан, это просто погремушка и комок шерсти. Не преувеличивай.

– Конечно, мой царь, – ответила ему женщина, откинув назад прядь черных как вороное крыло волос, – это всего лишь игра. Но через игру постигается жизнь. Настоящая жизнь.

– До шести лет сын твой. Потом сядет в седло. И жизни буду учить его уже я.

Женщина взглянула в глаза мужа и покорно ответила.

– Как скажешь, господин.

Хан развернулся к Ивану.

– Вот кудесник. Посмотри и запомни своим волшебным глазом. Вот он настоящий царь, император всей земли и моря.

Иван удивленно поднял глаза. Хан рассмеялся.

– Ты что думал, я не заметил, как ты меня Степаном назвал? Язык у тебя не повернулся меня царем назвать?

Иван захотел сказать что-то в свое оправдание, но Степан его остановил.

– Не оправдывайся. Главное, знаю, кто я такой, а ты мне поможешь, чтобы другие узнали, кто он такой.

Воин показал рукой на край ковра.

– Садись, я расскажу тебе свою историю. У нас есть еще

время, пока послы доедут до нас.

Они сели по-татарски, а женщина тут же принялась ухаживать за ними. Поставила небольшой столик, на него водрузила чашки и чайник. Положила лаваш и восточные сладости. Все это она достала из сундуков, которые стояли вдоль стен.

– Я по крови Вятич из ляхов. Сын царя Ивана из государства Вантит, что на берегу реки Смородина. Так называют наше царство на Востоке. Мы всегда контролировали путь из «варяг в персы». Строили большие лодки и продавали их купцам. Мы добывали болотную руду и ковали из нее украшения и наконечники для стрел. Охотились на быков и белок, ловили рыбу и собирали мед. Мы брали разумную плату за проход через наши земли и сопровождали караваны с товаром от одного края рамы до другого. На Западе наше государство называлось Мегалион, то есть Великое. Так его называли, пока не пришел Гюргий из рода Рюриков, прозванный Длинноруким. Он позарился на наши земли и захотел ими владеть. Он вызвал моего отца на бой и победил. Победил обманным путем. Выставил вместо себя поединщика, у которого под рубахой был надет доспех. Батя просто не смог его раздавить и обессилил. По правилам судебного поединка Рюрик должен был вернуть земли семье через три года. Но он убил отца, взял меня в плен, и, угрожая меня, убить, насильно женил мою сестру Ульяну на своем сыне Андрее. Я, наследник царского престола, должен был умереть в яме,

но мне помогли бежать хевсуры, стражники царского стяга, верные присяге, которую давали отцу.

Они привели меня к бурятам, нашим братья. Те приняли меня как равного, дали в жены Хулан и войско. Потом к нам присоединилось еще сотни племен с востока и запада. Все они признали меня за хана, и теперь в жилах Кулхана течет кровь двух великих родов с Востока и Запада. Поэтому он настоящий царь и хан. Он император. Сегодня послы Рюрика должны будут увидеть его и признать.

– А если не признают? – спросил Иван

– Значит, они умрут, – просто ответил хан Степан, сын царя Ивана, отец царя Кулхана, а затем грозно посмотрел на Ивана, добавил, – и любой умрет.

Отец Фабио очень страдал от жары, сидя на старой пегой кобылице и с нетерпением ждал, когда же они доберутся до стоянки. Рядом с ним ехал Поло, путешественник, как он себя называл, хотя Фабио точно знал, что тот послан Ватиканом с целью исследования местности и налаживанием связи с ближайшим окружением Темучина.

У него же была другая миссия.

Он должен был предложить хану рассмотреть возможность принять латинскую веру или разрешить хотя бы ее проповедовать в его владениях.

До большой реки он добрался вместе с войсками Рюриковичей и половцев, а после реки он и, нанятый им отряд ге-

нуэзских стрелков, пошел самостоятельно. Отец Фабио уже понял, что войска Темучина огромны, хорошо обучены и вооружены. Он видел несколько конных дозоров на горизонте, которые внимательно следили за его передвижением. Однако, каждый раз, когда он поднимал флаг Ватикана, те разворачивались и исчезали в лесостепи.

– Вот увидишь, Марко, нам эта поездка выйдет боком, – хрипел он, вытирая пот со лба.

– Такая наша доля, – отвечал его собеседник смиренно. – Бог даст, все пройдет благополучно. Если честно, я не очень верю в рассказы о жестокости и дремучести Темучина, которые распространяют его оппоненты. Хотя и отлично понимаю, почему они это делают. Его бояться. Но ты же видел настроение русских дружин? Сами себя уже запугали до смерти. И это какой-то животный страх. Он идет из глубины. Там что-то личное. А страх губил и не такие войска. Готов поспорить с Вами на бутылку доброго вина, что не пройдет и суток, как Темучин разгромит Рюриковичей в пух и прах.

– Вина? – Хмыкнул отец Фабио. – Да, где его здесь взять-то? На все воля Божья. Меч уже давно не является абсолютной истиной. Одна битва давно ничего не решает. Готов повторять это хоть сто раз.

– А что решает?

– Деньги и информация. Твоя книга сильнее самого огромного войска. Ее будут помнить в веках. А место этой битвы уже через неделю зарастет травой, а через месяц о ней

никто не вспомнит. Давай лучше думать, как нам нашу миссию выполнить. Да поможет нам святой Павел!

Отец Фабио нарочито вздохнул и перекрестился на флаг своего отряда.

Раздался свист десятка летящих стрел, и они воткнулись перед ногами лошадей отца Фабио и Марка Поло, так что стало понятно. Это предупреждение. Дальше дороги нет. Стража схватилась за щиты и опустила забрала своих стальных шлемов. Из небольшого прилеса выехал хевсур.

– Кто Вы такие? – крикнул он. – И куда идете?

– Я – отец Фабио, посланник папы Римского и иду со словом Божиим к хозяину этих степей и лесов, великому царю и хану Темучину, – с достоинством проговорил отец Фабио на том же языке, на котором был задан вопрос. – Со мной едет путешественник Марко, по фамилии Поло. От разбойников нас защищает наемный отряд из Генуи, под командованием Франка Леоно.

Хевсур выслушал ответ.

– Ваш отряд пусть остается здесь. Если они переступят черту, то будут уничтожены. А вы можете продолжать движение дальше. Теперь вы под защитой Великого Хана.

Затем он махнул рукой, и из лесной чащи выехали несколько воинов, которые взяли под охрану сундуки послов, сразу, как те проехали через черту, проведенную стрелами.

Сквозняк заколыхал пламя лампад. В царский шатер вошел охранник-хевсур, чтобы доложить о том, что вооруженный отряд и послы подошли к лагерю, и спросил что делать.

Хан переспросил.

– Только послы римского папы?

Он явно ожидал кого-то еще.

– Да. Они так назвались: Отец Фабио и Марко Поло.

– Ну, ладно. Веди послов прямо сюда. Мы будем встречать их у входа.

Он хлопнул в ладоши, и несколько женщин под руководством жены Хулан стали одевать его в царские одежды. Иван не нашел ничего лучше, как присесть рядом с маленьким ханом Кульханом и начать играть с ним в ладошки.

Одеваясь, хан улыбался, глядя на своего сына, а когда был готов, позвал Ивана.

– Пошли, посмотрим, кого занесло в наши края.

В этот момент в шатер забежала белая тонконогая кошечка.

Увидев ее, Иван промахнулся и не попал по ладошке маленького хана. Все засмеялись. Хан выиграл. Он обрадованно загремел погремушкой. Кошечка, мурлыча, подбежала к Ивану и ласково потерлась о его колено. Потом обошла вокруг и легла возле маленького хана на подобии сфинкса.

Иван вышел из шатра вслед за Темучином и увидел возле входа черного пса. Почти машинально он посмотрел по сто-

ронам. И уже нисколько не удивился, когда увидел рыжего филина, который сидел на ветке ближайшего к шатру дерева.

Никогда он так не радовался при виде животных. Если бы не окружающая обстановка, он бы точно бросился псу на шею. Но пока он смог только радостно ему улыбнуться. И был готов поклясться, что пес ответил ему тем же.

У входа в шатер стоял паланкин. Огромные крытые носилки, с мощными ручками, которые держали несколько могучих великанов. По-другому их назвать было нельзя. При чем это были не воины. На шеях великанов болтались веревки как у висельников. «Рабы!» – догадался Иван.

Темучин показал рукой Ивану, чтобы он садился внутрь. Дождался, когда он там усядется и сел сам. Вытянув больную ногу вперед. Слуги тут же подхватили паланкин и понесли его на вершину холма. «Ничего себе передвижной лифт!» – мысленно пошутил Иван. Настроение у него улучшилось, он понимал, что раз здесь неразлучная тройка, значит, его не забыли, значит, скоро придет Волхв, и он сможет отправиться обратно. Значит, это умопомрачительное путешествие скоро закончится. Скорее бы.

В то же время он ощутил, что ему начинает быть интересным, чем же все закончится. Фотоаппаратом он уже пользовался, ни за что не опасаясь. Японская техника как-то вполне свободно вписалась в окружающий интерьер и никто на него подозрительно не косился.

Паланкин опустил на землю. Темучин вышел первым.

Для него на вершине уже было приготовлено походное складное кресло. Рядом стояли несколько воинов-музыкантов с огромными трубами и барабанами в руках. Чуть в стороне расположились легковооруженные воины.

– Посыльные, – догадался Иван. Хевсуры были неотступны на всем протяжении их пути.

С вершины холма открывался великолепный вид на реку, лес и поле. Все было видно, как на карте Гугл с максимального приближения. Картинка была примерно такой же, что и с вершины Кудыкиной горы. Единственным исключением было то, что все пространство на этом и другом берегу реки было занято людьми.

Иван настроил свой «Никон» на максимальный зум и приблизил лица людей. Их было много, и они смотрели друга на друга, изредка поглядывая на вершину холма. Как только они увидели стяг Темучина, все разом стали громко что-то кричать. Звука на таком расстоянии, конечно, не было слышно, но по губам Иван понял, что они выкрикивают имя своего предводителя.

Темучин увидел, как Иван разглядывает его войско и удивленно сжал губы.

– Ууу, какая полезная вещичка. Так вот о чем говорил Волхв. Теперь я его понимаю. А что происходит на другом берегу можно увидеть?

Иван перевел объектив. На другом берегу лица хранили суровое молчание, но и они вглядывались в вершину холма.

Наверняка, они видели отблески солнца на объективе.

Темучин довольный откинулся на спинку кресла.

– Приведите послов.

Вестовые метнулись выполнять его приказ. Все было четко, отлаженно, быстро. Иван оценил масштаб происходящего и восхитился гением и талантом Темучина или как его там – Степана.

– Откуда Вы? И легкий ли был Ваш путь сюда? – поглаживая свои усы, спросил Темучин, у послов, подошедших к нему.

Хевсуры поставили перед ним два сундука. И отошли. Вперед вышел отец Фабио.

– Меня зовут отец Фабио Монтелли. Я посол Священной Римской Империи и папы Римского Иннокентия III. Путь к тебе был долгим. В дороге я приболел, поэтому был вынужден задержаться. Прибыл же я к тебе с нашими скромными дарами и с особым поручением от моего господина.

Фабио подошел к сундуку и открыл крышку. В сундуке лежали книги. Библии. Темучин взял одну из них в руки. Открыл. Внимательно изучил первую страницу. Из чего Иван понял, что хан умеет читать. Темучин вернул книгу в сундук и спросил.

– За дары благодарю. Что за поручение у тебя?

– Мне поручено узнать, как Великий Хан относится в святой католической церкви.

– Ясно, – сказал как отрезал Темучин, и повернулся ко второму путешественнику. – А кто ты такой? И каким ветром тебя занесло в наши края?

– Мое имя Марко. Марко Поло. Я просто путешественник. Пишу свою книгу. Делаю зарисовки. Изучаю мир.

Темучин посмотрел на Ивана.

– Ты смотри, еще один волхв на мою голову.

И снова вернулся к послам.

– Больше ничего не хотите мне сказать или передать?

– Нет, Великий Хан.

Темучин опустил голову и задумался, как и положено великому правителю, который понимает, что его слова влияют на судьбы великого множества людей.

– Сегодня не самый подходящий день для религиозных диспутов отец Фабио. Поэтому предлагаю тебе стать моим гостем. Мы вернемся к теме твоего путешествия позже.

А вот тебе Поло будет интересно с другим моим гостем. Он тоже путешественник, – Темучин показал на Ивана. – Поэтому так же предлагаю Вам стать моим гостем и вместе со мной понаблюдать за ходом большой битвы, чтобы потом рассказать об этом людям в своей книге.

Послы склонили головы перед великим Ханом в знак благодарности, а тот хлопнул в ладоши. Слуги принесли три лавки. Одна из них досталась Ивану, остальные – гостям из Европы. Иван сел по левую руку, послы по правую. Темучин кивнул головой и подал сигнал горнистам. Звуки труб раз-

лились над равниной и привели в движение массы людей.

Барабанщики взяли в руки палки, с намотанными на конец кусками кожи, и начали отбивать ритмы, которые также были направлены туда вниз к подножию холма. Иван как замороженный смотрел на происходящее и ощущал себя как внутри компьютерного монитора во время сеанса онлайн-игры с полным погружением в реальность, потому что до него доносилось все: и шум ветра в ушах и запах крови. Большой крови.

Иван почувствовал как его рука сама потянулась к мечу, и он сам от себя не ожидая такого вдруг захотел оказаться там, в гуще битвы, чтобы кромсать, рубить, убивать.

Но он был вынужден стоять и смотреть, как убивают другие.

К обеду привели первых пленников.

Разутые, без ремней и доспехов, в одних рубахах и портах, с окровавленными лицами. Здоровенные бородатые мужики. Одного своего соратника по несчастью они держали под руки, потому что тот не мог идти. У него копьем была пробита грудная клетка. Он умирал и хрипел.

– Назовитесь? – рыкнул Темучин.

– Александр Глебович Дубровицкий, Андрей Иванович Туровский, Юрий Ярополкович Несвижский, Олег Святославич Курский, Илья Муромский.

– Вы все князя?

– Да, кроме раненого Ильи. Он воевода.

– Почему войной на меня пошли? Почему первенство мое не признаете? Или Вы не знаете, кто я по крови?

– Знаем, Степан Иванович, все мы знаем, – ответил за всех самый старший из князей Александр Глебович, – и поэтому пощады не просим.

– А если прощу? Признаете меня и сына моего за царя? Будете мне служить?

Александр Глебович отвернулся и промолчал.

– Я жду ответа? – надавил Темучин.

– Не жди, Степан. Мы свой выбор сделали.

– А ты за всех не говори, Александр Глебович, тут мы сами за себя, – вдруг прервал слова старшего один из пленников и вышел вперед, поклонился в ноги Темучина. – Я, Олег Сятославович, князь Курский, признаю твое первенство Царь и рад буду тебе служить.

Темучин радостно встал и подошел к Олегу, взглянул ему в глаза и обнял.

– Развяжите его.

Хевсуры мгновенно выполнили его приказания и отвели Олега в сторону. К нему подошел Марко Поло, чтобы узнать подробности боя и пленения. Темучин снова развернулся к строптивым русичам, ожидая, что и остальные поступят так же как Олег. Однако ответом по-прежнему было хмурое молчание.

Темучин в сердцах оголил хромую ногу, и показал им

страшный шрам от открытого перелома.

– Посмотрите, что ваш Юрий со мной сделал? Пять лет он меня голодом морил, на воде и хлебе держал, мучал и пытал. Пять лет я просил каждый день о смерти...

– Не жалобь нас, хан. Каждый сделал свой выбор. И каждому только Бог судья. Мы только слуги господа нашего Иисуса Христа, на все его воля. И мы тоже просим тебя о смерти. Убей нас и дело с концом.

Темучин сел.

– Не буду я о вас руки марать. И отпустить не могу. Гадить мне будете. Я поступлю по-другому.

Иван видел, что слова даются Темучина с трудом, но он их произнес.

– И знайте, у каждого из Вас будет шанс остаться в живых до последнего вздоха. Достаточно будет одного вашего слова. Признаю! Слышите? Признаю.

Темучин отвернулся и крикнул своих хевсурах готовить помост для победного пира. Пленников связывали и кидали на землю, а сверху на них клали бревна. Одно к одному...

На бревна ставили столы и лавки. Пир должен был получиться на славу. Битва продолжалась и на холм продолжали приводить пленников.

Чем закончился пир, Иван уже не видел. Воспользовавшись суматохой, он тихонько спустился вниз с горы. И отыскал черного пса. Тот снова весело повилял хвостом, и повел

его в лес. Уже по дороге их догнала белая кошечка, а впереди них из чаши леса вылетел рыжий филин.

Узкой лесной тропинкой они вышли на поляну, где рос огромный дуб, который как две капли воды был похож на тот дуб, возле которого он познакомился с Алкой. Даже дупло было такое же. «Или эти столетние дубы все на одно лицо, или я уже снова в своем времени», – подумал Иван.

И услышал ответ.

– Чтобы вернуться, тебе снова надо пролезть в окно, Иван.

На поляне появился дом с наличником, а в окне с той стороны он увидел библиотекаря, Степана Потапыча, который махал ему рукой, как бы приглашая к себе. Пес и кошка, прямо с разбега прыгнули в стекло и прошли сквозь него как в воду нырнули. Затем филин, сложив крылья, упал в оконную раму как на высмотренную в траве добычу.

Иван понял, что ему надо сделать то же самое. «Понял, я понял. Не дурак!» Он ощутил в руках тяжесть меча. Он вспомнил, где только что сейчас присутствовал, и ему стало стыдно за свои мысли поучаствовать в битве. Стыдно настолько, что практически машинально, он опустил меч в дупло дуба, поправил на шее фотоаппарат и, хорошенько разбежавшись, рыбкой прыгнул в окно.

Раздался звон разбившегося стекла...

Глава 5

На пол библиотеки упало бездыханное тело Ивана. В буквальном смысле бездыханное. Рухнуло как мешок с картошкой, как большая кукла. Раскидала влево-вправо руки-ноги. Фотоаппарат на черном широком ремне с грохотом упал на доски и откатился в сторону как обычный булыжник.

– Что с ним? – удивленно спросил Фил, а потом вдруг догадавшись закричал. – Мы его потеряли.

Не дожидаясь ни чьего ответа, с разбега нырнул назад в окно как в прорубь. Потапыч посмотрел ему вслед, потом на Шурку и Василису.

– Ну, что? Доигрались? Говорил я Вам, что он не готов. А Вы меч в руке подержит и все поймет! Не понял. Где теперь его искать?

Василиса стоял, опустив голову, чуть не плача.

– Это я во всем виновата.

Потапыч махнул рукой.

– Поздно ныть. Бегите за Степанидой. А ты, – он посмотрел на Шурку. – Помоги мне его раздеть. До гола. Пока придет Степанида, надо будет пытаться вывести его из состояния комы. Всеми доступными способами. Если не получится, то тебе придется с ним отправляться в большое путешествие. Ты должен будешь крепко держать его там, чтобы не потерять окончательно. И звать Фила. Вой, гавкай, ори... Не

останавливайся ни на секунду. Когда Фил найдет душу, у Вас будет несколько мгновений, чтобы их соединить. Понял?

– Понял.

Прибежала Степанида с сумкой для оказания первой медицинской помощи и банкой меда. По дороге Василиса ей уже все рассказала. Она увидела, что ни искусственное дыхание, ни прямой массаж сердца не помогает.

– Он уходит. Готовься, Шурка.

Потапыч и Степанида знали что делать. Степанида достала из сумки белые бинты и стала обматывать им тело Ивана, а Потапыч густо намазывать их медом. Когда все тело покрылось таким липким составом, они взялись за руки и подняли тело Ивана над головой. Шурка нырнул в окно и одновременно с ним, два волхва, бормоча под нос заклинания жрецов северного и южного Нила, передали ему на руки где-то там в пространстве между жизнью и смертью, тело Ивана, теперь уже путешественника во времени и пространстве. Верный пес Шурка принял его и встал на стражу.

Проход в окне закрылся.

Степанида, Потапыч и Василиса остались в избе одни.

– Да, уж. И дел ты натворила, Василиса, – с укором посмотрев на нее, сказала Степанида. – Ну, жил бы и жил человек. Фотографировал окошки, потом свадьбы. Детишек нарожал может быть. На старости лет сделал бы персональную выставку и был бы счастлив. А ты же ему всю судьбу переверкала.

Василиса нахмурилась.

– Иван сам сделал свой выбор. Просто он еще не готов. И потом, я пока одна забочусь о нас. Что будет с нами? Вы подумали?

Она сжала кулачки.

– За Ивана нужно побороться сейчас, и он обязательно ответит нам тем же. Я знаю.

– Ну, иди, борись.

Василиса обняла руками шею Потапыча и Степаниды.

– Я думала, Вы меня не отпустите. Скажите маме, чтобы не волновалась. Все будет хорошо!

Повернувшись, она шагнула к окну и, на ходу обращаясь в белую кошечку, скрылась по ту сторону окна.

Потапыч улыбнулся и посмотрел на Степаниду.

– Как быстро растут дети, да?

Степанида покачала головой.

– Не знаю, я все-таки волнуюсь за них. Куда это нелегкая Ивана занесет? Сможет ли вернуться?

Потапыч обнял Степаниду.

– У него один шанс на миллион, но если он вернется, это будет лучший волхв за всю нашу историю.

Степанида отстранилась.

– Нет, все-таки вы мужики поразительно беспечны. Залезь неизвестно куда, затащить совершенно неподготовленного человека, не зная, сможете ли выбраться. Но...

Она встала и прошла перед зеркалом, поправляя свою

косу и одергивая платье.

– Мы сейчас можем только ждать и верить, что все будет хорошо! А я еще не готова его встречать.

Граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков проснулся в плохом расположении духа. Всю ночь в его голове кто-то кричал, ворочался и требовал его выпустить. Это было так невовремя. Как раз накануне большого бала, на который должны были приехать император с супругой.

Он не выспался и решил свое недовольство выместить на челяди. Позвонил в колокольчик. Вышколенный еще с Мюнхена, дворецкий распахнул дверь. Несколько слуг внесли в комнату рукомойник и другие принадлежности для умывания.

Граф опустил ноги с постели и сунул ноги в мягкие тапочки. Снял с головы колпак, которые сохранял его прическу ночью, брезгливо опустил руки в воду и тут же выдернул.

– Снова горячая. Вы меня сварить в кипятке решили?

Он ударил по медному тазу, и тот с грохотом покатился по паркету, разбрызгивая во все стороны мыльную воду.

Дворецкий с каменным лицом приказал девкам вытереть пол и принести новый таз. Он уже давно служил при дворе и понимал, что барин пообреет только после чашечки кофею. Граф нехотя умылся и вытер руки о белый рушник. Потом закатил глаза и простонал.

– О, Боже. Опять! Кто там? Кто во мне сидит? Что я вчера

такого пил, а Ганс?

Ганс, так звали дворецкого, перечислил все напитки, которые были употреблены барином во время карточной игры с друзьями. Список получился приличный. Граф махнул рукой и постановил.

– Это все от сельтерской воды. Не подавай мне ее больше. Понял.

Дворецкий записал приказ хозяина на манжете.

– Одеваться изволите, граф?

– Конечно. Позови Риччи. Пусть доложит, как идет подготовка к балу.

Иван услышал слова про Риччи и от удивления открыл рот. Граф сделал то же самое, но потом прикрыл зубы, как будто зевнул.

Нет, – крикнул он дворецкому, – пусть Риччи придет ко мне через полчаса, а сейчас оставьте меня. Да...

Своими тонкими пальцами рук он указал на дверь.

– Пошли все вон.

Когда слуги покинули опочивальню графа, он поднялся с постели, подошел к двери и проверил, насколько крепко она закрыта. Заглянул в замочную скважину. Дворецкий как преданный цербер стоял к двери спиной и охранял покой господина. После этого граф подошел к огромному зеркалу, которое висело на стене, и заглянул в него.

Из зазеркалья на него глядел молодой, красивый франт,

в спальнoй рубаше и идеальной причеcке по последней парижской моде. Чисто внешне он не изменился со вчерашнего дня, разве только мешки под глазами выдавали, что он вернулся поздно ночью, и перед этим сильно кутил.

Граф коснулся пальцами виска и тихонько спросил.

– Эй, ты там?

Иван понял, что обращаются к нему.

– Где там? – спросил он и увидел в зеркале лицо графа, который тряс пальцами у виска.

– Судя по всему в моей голове?

– Вы хотите сказать, что я сижу в Вашей голове? И почему Вы мне тыкаете? Я вам не холоп, – гордо ответил Иван.

– А кто Вы? Если не холоп, – граф поморщился. Таким тоном, с ним, церемониймейстером двора, мог разговаривать только император и по идее, любого другого за наглость он должен был вызвать на дуэль, если он дворянин, или всыпать на заднем дворе, если сословием ниже, но рядом никого не было. И получалось, что он мог вызвать или всыпать, только сам себе.

– Вот-вот, – прочитал его мысли Иван и вслух сказал, – тоже мне раздухарился. Именно, сам себе!

Граф отошел от зеркала и встал у широкого окна, откуда открывался вид на серую Неву и зимний Санкт-Петербург. Он заложил руки за спину, широко расставил ноги и попытался ни о чем не думать. В этот момент за него думать начал Иван. Он примерил тело графа, как новое платье, и по-

шевелил пальцами. Граф вернул контроль над ними только когда начал говорить.

– Получается, что сегодня ночью, кто-то проник в мой мозг. Так?

– Я не хотел, – ответил Иван, – так получилось.

– Ну, допустим, а когда ты собираешься меня покинуть?

– Понятия не имею, но очень надеюсь, что скоро, так как мне тоже некомфортно.

Граф начал ходить по комнате.

– Я правильно понимаю, Вы начинаете управлять моим телом, когда я не думаю.

– Не знаю. Может быть, могу управлять и когда Вы думаете.

– Вы дьявол?

– Ждал от Вас этого вопроса. Однозначно нет. Но если захотите попробовать изгнать меня из вашего тела, какими-то молитвами или постами, то я буду сопротивляться до тех пор, пока не найду свое. Имейте в виду.

– Угрожаете?

– Пытаюсь договорится. Вы ведете себя прилично, и я веду себя соответственно. Поверьте мне все это не нравится, так же как и Вам. И я сейчас также ищу выход из сложившейся ситуации.

– Хорошо, что мне делать?

– Живите своей обычной жизнью. Вот Вы не планируете завтракать? А то есть чего-то охота?

Граф понял, что в данной ситуации ничего сделать не может, и принял решение последовать совету, который в конце концов исходит из него. Ведь если откинуть в сторону истории про то, как демоны вселяются в души верующих, во что он однозначно не верил, то, скорее всего, просто он разговаривает сам с собой, что свидетельствует о переутомлении и волнении.

Вернувшись из просвещенной Европы, где провел более десяти лет, он стал убежденным атеистом и масоном. Последние несколько недель граф занимался налаживанием дипломатических связей после войны 1812 года и одной очень сверхприбыльной сделкой, которая могла сделать его сказочно богатым. Хотя он и так был не бедным. Ведь прибавка к его первой фамилии Воронцов, фамилии тетки Дашковой, дала ему не только новую должность, но и огромные угодья в Тамбовской и Орловской губерниях.

Но, нет предела желаниям. Лишних денег не бывает.

Иван прочитал все мысли графа, как будто снял с телеграфной ленты, и не стал их комментировать. В конце концов, тут он был полностью согласен со своим новым телом, и вообще ему тоже надо было подумать, что делать дальше.

Иван помнил только свой прыжок, который показался ему прыжком в вечность. Он летел куда-то вверх, потом вниз, по бесконечному туннелю из ярких светящихся точек, световых лучей и крошечной темноты, его тело стало пластилиновым,

вытянулось в тонкую струну, настолько тонкую, что наверное, могло пролезть в игольное ушко, а потом как будто все замерло. Снова яркий свет, хлопок, звон разбитого стекла и тишина, прерываемая мерным храпом спящего человека.

Сейчас-то он уже понял, что это был длинный путь через время и пространство, который закончился заточением его внутрь черепной коробки совершенно другого человека. Причем, он отлично мог прочитать мысли этого человека и в определенные моменты управлять его телом.

Да, таковы были параметры его нынешнего состояния. Осталось только понять, как вернуться ему обратно в свое тело и свое время, и возможно ли такое вообще в принципе, учитывая то, откуда он попал сюда?

Может быть он просто умер и теперь блуждает по свету в поисках успокоения? Да, такая мысль закралась к нему, но все же что-то не сходилось.

Не слышал он никогда о том, что души могли вот так спокойно блуждать по чужим телам. Впрочем, даже если бы слышал, то не запомнил, а если и запомнил, то не поверил. Какое счастье все же, что и религиозными вопросами никогда не интересовался. А то бы... Что?

«Можешь вообще не возвращаться!» Хм, слова жены звучали уже как пророчество. И если именно это она имела в виду, то такое состояние очень жестокая месть за одну ночь вне дома.

И, тем не менее, Иван сосредоточился на том, как вер-

нуться назад. Хотя бы в теории.

Итак. Одним из основных параметров возвращения назад однозначно можно считать наличие наличника. Это портал, через который есть шанс вернуться назад. Он четко помнил, как прыгнул вслед за неразлучной троицей: кошкой, собакой и филином.

– О каком наличнике вы сейчас говорите? – услышал он слова графа. – И да, кстати, у Вас есть имя?

Иван вернулся в реальность, если можно так сказать. И увидел, что граф уже оделся и перешел для завтрака в столовую. Вокруг него по-прежнему крутилось несколько слуг, которыми все с тем же невозмутимым видом руководил дворецкий.

– Да, меня зовут Иван.

– Прекрасно, – восхитился граф, – меня тоже. Значит, я прав. Я разговариваю сам с собой.

Иван задумался. Возможно, имя имело значение. Это как некий маяк, который помог причалить его кораблю к берегу. Если выражаться поэтическим языком. Или магнит, который притянул его к себе.

– Ну, если Вам так легче осознавать мое присутствие внутри Вас, то считайте такую версию правильной, – ответил Иван на слова графа. – Но на самом деле это не совсем так. Я попал к Вам через некий временно-пространственный портал, который создается волхвами при помощи деревянных украшений русских изб.

Вот это я загнул, подумал про себя Иван, но как оказалось, граф слышал все его мысли, потому что в ответ он спросил.

– Кого загнули? Простите, я не понял?

– Это такой оборот речи из времени, откуда я прибыл, – объяснил Иван, хотя тут же понял, что прибыл-то он в нынешнее состояние из совершенно другого времени.

– Очень интересно, – подхватил его мысль граф, – так значит, Вы еще и не знаете, из какого времени прибыли?

– Это долго объяснять, но если будет желание, – Иван почувствовал, что внутри него растет раздражение. – Я все вам расскажу. Однако, давайте попробую начать с самого начала. Скажите, у вас есть в услужении какой-то искусный мастер по дереву?

– Найдем. Не в России, так в Европе. А зачем?

– Мне нужны лист бумаги и карандаш. Попросите принести.

Граф отдал распоряжение, которое было немедленно исполнено.

– Отлично, а теперь мне надо будет воспользоваться Вашим телом. Я хочу нарисовать Вам рисунок, чтобы Вы поняли, о чем идет речь.

– Хорошо, – согласился граф и снова отрешенно посмотрел в стенку.

Иван быстро примерил на себе руку графа. Надел ее как перчатку и взял в руки карандаш. Все же он был хорошим фотографом и умел рисовать. Поэтому изобразить по памя-

ти наличник на доме библиотекаря ему не составило труда. Он быстро нарисовал эскиз и отложил карандаш.

– Все готово, – вывел он графа из ступора. – Посмотрите, может кто-то сделать вот такой оконный наличник.

Граф взял в руки листок бумаги и попросил дворецкого принести пенсне. Долго рассматривал изображение. В голове его проносилось много мыслей: Оригинально? Странно. Причем здесь изба? Какой ужас? Ну, ладно, допустим, мне это поможет! Он положил листок на стол.

– Я закажу эту безделушку у лучших резчиков, но зачем Вам это надо?

– Если я попал к Вам в голову, прыгнув в такое окно, то вполне возможно смогу выбраться также обратно.

Дворецкий кашлянул в кулак.

– Разрешите, граф.

– Да, что тебе, Ганс?

– Вы просили, чтобы пришел Риччи!

– Ах, да. Он здесь? Пусть войдет.

Затем он протянул дворецкому листок и добавил.

– Вот посмотри, надо сделать такое же? Подумай, кто сможет.

Дворецкий аккуратно взял листок и вышел.

Весь оставшийся день до того, как в комнатах наступил сумрак, и зажгли свечи, граф был занят подготовкой к традиционному балу. Уточнялся список гостей, расстановка сто-

лов. Надо было сделать так, чтобы государь, прогуливаясь между ними, обязательно подсел за столик к немецким negociантам и поговорил с ними о деле.

При этом государь должен быть в прекрасном расположении духа, чтобы дать положительную оценку проекту, который предложат баварцы. Все должно пройти настолько естественно, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Очень – очень тонко.

Иван все это время молчал. Мысли графа по-прежнему поступали в его распоряжение без остановки. Причем все его мысли. Даже самые потаенные ... И картина аферы, которую задумал граф, поражала его своим масштабом. Он даже прибалдел от такой наглости.

Оказывается, еще во время войны 1812 года Наполеон распорядился снять золото со всех куполов московских церквей и переплавить их в золотые слитки. Золота оказалось так много, что был сформирован обоз из восемнадцати телег, на которых встали по две бочки, наполненные золотыми слитками. Итого тридцать шесть бочек. Вывезти из России этот золотой запас было поручено маршалу Мюрату, одному из ближайших соратников французского императора. Однако Мюрат отлично понимал, что просто так в условиях военных действий вывезти золото из России не получится. И тогда он разработал хитроумный и долгоиграющий план.

Он отправился с обозом не из России, а вглубь страны и затопил его на четырех переправах через Москва-реку близ

Боровского кургана. Аккурат напротив усадьбы графа. В сорока километрах от столицы прямо под носом у армии Кутузова. В общем, там, где никто не ожидал. Это был дерзкий план, но он сработал. Во Францию же были направлены пустые бочки под усиленной охраной, которая, естественно, в дороге были перебита партизанами и казаками, а обоз потерялся где-то по дороге между Боровском и Березиной. Сгинул в лесах и оброс многочисленными слухами.

Наполеону так и было доложено, что золотой обоз захватили русские казаки. Императору тогда уже было не до него. Он махнул на золото рукой, списав как военные потери. В 1815 году Мюрат был расстрелян, и тайна золотого клада вообще осталась, если так можно выразиться без хозяина.

Только через пятнадцать лет, когда страсти вокруг войны поутихли и начали потихоньку восстанавливаться торговые и промышленные взаимоотношения между странами, к графу Воронцову-Дашкову, который в этот момент находился послом в Мюнхене, были направлены эмиссары, которые очень аккуратно и тонко, предложили ему поучаствовать в вывозе золота из России за приличный процент.

В двух словах, задачей графа было убедить русского императором в том, что для очистки русла Москва-реки и для создания условий к судоходству на сильно обмелевшей реке близ Боровского кургана, надо пригласить частную кампанию, ни в коем случае не французскую, а немецкую или баварскую. И все. Дальше уже будет дело техники...

Вот сейчас как раз и должна была состояться та самая историческая встреча. И граф нервничал. План, который он в свое время в Мюнхене посчитал вполне выполнимым и неопасным, сейчас таким уже не казался.

Шуточное ли дело, ему надо было обмануть, себе-то он мог в это признаться, именно обмануть, самого императора Николая 1.

И чем меньше времени оставалось до начала бала, тем больше сомнений проявлял граф. Иван решил вмешаться. Ему уже порядком надоело сидеть в голове графа и молчать. Он даже начал чувствовать что теряет себя и растворяется внутри графской сущности. Этого допустить было нельзя.

– Спокойно, граф, – сказал он, когда тот оказался на несколько мгновений в одиночестве. – История твоя, конечно, мутная, но уверю тебя, обмануть императора это не смертельный грех. В будущем, откуда я прибыл, тебя бы почли за героя. Может быть, даже наградили. В общем, отнесись к своей миссии проще.

– Твоих советов мне еще не хватало, – сказал вслух граф и увидел, что на него обернулся Риччи.

– Вы что-то сказали, граф? – спросил тот.

– Нет, ничего занимайтесь своими делами.

Риччи был мажордомом, и в его обязанности входило, встречать больших гостей. Соответственно он должен быть одетым по последней моде. Риччи крутился у зеркала в хол-

ле дворца, поправляя накрахмаленные манжеты и брошку на пышном галстуке. Он поклонился.

– Как скажете, граф.

Граф Воронцов-Дашков положил руку на висок. И спросил уже шепотом.

– Вы поняли, что я задумал?

– В общих чертах, конечно. Но я восхищен. Надеюсь, вы за сделку попросили приличную сумму.

Цифра, которая пробежала, в голове графа и не была озвучена, восхитила Ивана. «Прикольно, – подумал он. – И никакого риска. Это тебе не мечом махать».

– А нафига тебе столько?

Как-то незаметно для себя, он сам перешел на «ты» в разговоре с графом. Действительно, чего церемониться, когда знаешь о собеседнике практически все.

– Не твое дело.

– Ну, ну. А я, между прочим, мог бы тебе помочь.

– Как?

Иван, находясь в черепной коробке, стал замечать одну странную вещь. Когда глаза графа встречались с глазами другого человека, ему становились доступны мысли и этого человека. Не все конечно, а короткие обрывки фраз и те, которые были направлены на графа.

– Вот подзовите к себе мажордома, и посмотрите ему в глаза.

Граф выполнил эту просьбу, но Риччи, не выдержав взгля-

да, отвернулся.

Иван снова настойчиво попросил Воронцова, чтобы мажордом не отворачивался.

Буквально через мгновение несвязный поток речи обрушился на Сазикова. Впрочем...

Мысли мажордома не отличались оригинальностью. В один из своих манжет он спрятал серебряную ложку из сервиза приготовленного для императрицы. И очень боялся, что она не вовремя выпадет.

Иван засмеялся. Граф повторил его смех. Он понял, что хотел ему передать Иван. И это ему понравилось. Но для проверки нужно было все же дернуть за манжет мажордома. Граф ухватился за плечо Риччи, и серебряная ложечка со звоном упала на пол.

Риччи побледнел, но потом собрался и пролепетал, что это случайно, и вообще это кто-то ему подложил.

Но граф уже не слушал его. Он развернулся и удалился в свои покои, по дороге, приказав дворецкому не беспокоить его и позвать только когда приедут высочайшие особы.

Глава 6

– Итак, ты утверждаешь, что сможешь прочесть мысли императора, – со стороны казалось, что граф разговаривал сам с собой. Он расхаживал по своей огромной библиотеке, стараясь найти книгу, в которой бы можно было прочесть объяснение тому, что с ним происходит.

Иван ему не мешал. Ему тоже было интересно посмотреть. А вдруг есть такая книга, и поддерживал беседу.

– Нет, со сто процентной уверенностью, я такого утверждать не могу, – параллельно Иван, поигрывая нейронными нитями, как струнами арфы, пробовал осознать, что он еще может, – я вообще-то только предполагаю, что раз глаза зеркало души, а я как раз и являюсь тем, что принято считать душой, то заглянув через глаза в другого человека, я могу понять, о чем он думает. В случае с Риччи открылся канал, по которому как по радио до меня доходили его слова.

– Что такое радио?

– Вряд ли я смогу объяснить, что это тебе сейчас. Это словечко из будущего.

Он чувствовал, что при определенных усилиях может одновременно находиться во всех частях тела графа и вызывать у него, желание почесаться. Это его забавляло, и в то же время мешало сосредоточиться.

– Но гарантировать, что прочитаю мысли любого челове-

ка, сейчас не могу. Риччи это не показатель. У него и так было на лбу написано, что он привороживает. Это Россия. Здесь все так делают. Даже Вы, граф. Нужна какая-то другая более сложная проверка.

– Какая?

– Например, женщина, – вдруг выскочила идея у Ивана, – не зря же говорят, что понять женскую логику невозможно.

– Узнать, что думает женщина, – воскликнул граф, – гениально. Но тут я с Вами согласен, это невозможно.

Однако, проверить свою идеи они не успели. Дворецкий доложил, что карета императора подъехала к дворцу и венценосная чета вот-вот войдут в залу.

Дом на Дворцовой набережной, в котором жил граф, был рядом с Зимним дворцом. Император любил посещать балы у графа, потому что они позволяли ему отдохнуть телом и душой после постоянных забот о государстве Российском.

Кроме того, граф приглашал к себе в гости самых красивых дам Петербурга и император всегда мог выбрать себе фаворитку, не привлекая лишнего внимания. Вот и в этот раз он был уверен, что граф расстарается и соберет на бал всех красавиц.

Одетый в синий военный мундир, Николай вышел из кареты и подал руку императрице. Александра Федоровна была одета в такого же цвета платье с кринолином и туфельки. Вместе они всегда смотрели очень гармонично. Родив супру-

гу четверых детей, она уже тяготилась супружескими отношениями, которые подорвали ее и без того не крепкое здоровье. Поэтому она смотрела на шалости своего дражайшего супруга сквозь пальцы и даже исподволь подталкивала его к этому. Ей так было легче контролировать его.

Из кареты они вышли в превосходном настроении, каждый ожидая, от предстоящего бала новых приключений и удовольствий.

Мажордом Риччи, милый француз, открыл двери кареты и, изобразив невообразимый реверанс, смесь почтения и восхищения, поприветствовал высоких гостей.

– Риччи, давай сегодня попроще, – улыбаясь, ответил император Николай. – Хочется отдохнуть и веселиться.

Они вошли на парадную лестницу, по краям которой стояли лакеи в золотых ливреях. Лакеи держали в руках подносы с шампанским и сладостями. Навстречу им выбежал граф, на ходу поправляя запонки на сюртуке.

– Ох, простите меня, государь, – протягивая руку для приветствия, воскликнул граф, стараясь подобострастно взглянуть в глаза августейшей особы, – проверял зал перед вашим приездом и вот не успел.

Николай протянул руку навстречу графу и снисходительно ответил.

– Ничего Иван Илларионович, знаю, вы без дела не сидите. Надеюсь все готовы, и Вы как всегда нас удивите, – он взглянул на графа, и весело подмигнул ему. Иван мгновенно

но считал информацию и тут же сообщил ее графу. Правда, почему-то сказал шепотом. «Царь в хорошем расположении духа. Ждет от Вас, что Вы подведете его к какой-то Анне...»

«Анна уже давно его ждет», – в ответ подумал граф и предложил руку императрице, чтобы составить с ней вторую пару.

Первую же пару должен был составить император, выбрав себе спутницу из зала. Граф был не женат, поэтому соблюдать традицию, и приглашать его жену было не нужно.

Как только царская семья вошла в танцевальный зал, оркестр начал играть полонез. Танцоры зашевелились, выстраиваясь парами. Император же в сопровождении Риччи отправился искать себе фаворитку. Почти сразу он обратил внимание на красивую даму, которая сидела за столиком рядом с двумя иностранцами.

– Кто такая? – спросил Николай у Риччи.

– Анна, баронесса из Германии, вдова, – проинформировал Риччи.

– Ага. Ай, да граф, – щелкнул языком Император и тут же направился к ней. Соблюдая этикет, он поклонился даме и поинтересовался:

– Мадам, разрешите пригласить Вас на танец?

Отказывать императору было не принято. Дама скромно опустила глаза, ее щеки порозовели, и она подала Николаю руку, чтобы он помог ей подняться.

Бал начался... Полонез состоял из нескольких туров. Им-

ператрица быстро устала и попросила отвести ее к столику. Граф немедленно выполнил это желание. Для Александры Федоровны всегда накрывали отдельный стол, сервировали золотой посудой в углу зала. Усадив императрицу, граф поручил ее молодым офицерам, которые наперебой стали рассказывать императрице смешные истории.

Официанты принесли шампанское и десерт. Императрица оказалась окруженной со всех сторон заботой и восхищением и забыла на время о муже, который продолжал танцевать, не отрывая восхищенных глаз от своей напарницы. Дама, элегантно откидывая голову, умело прижималась к Николаю, и смехом отвечала на все вопросы хозяина земли Русской. Ее кокетство заводило императора как юношу.

Он был доволен всем, поэтому, когда Анна предложила ему немного отдохнуть и выпить шампанского за столиком, где сидели ее спутники, отказать он не смог. Граф был уже тут как тут и в легкой манере представил гостей.

– С баронессой Вы уже знакомы, император. Ценю Ваш вкус, – отодвигая кресло для Николая, сказал граф, – разрешите теперь мне познакомить Вас с ее спутниками. Мы познакомились с ними еще в Мюнхене, владельцы крупной инженерной компании Корнелиус и Фридрих Беленберг-Мюллеры.

Немцы встали и поклонились императору. Император пожал им руки, сел и предложил остальным поступить также. Стоять остался только граф, преданно заглядывая в глаза

своему царю.

– Чем занимается Ваша компания? – учтиво спросил Николай. Он считал себя хорошим инженером и интересовался всеми новинками в этой области.

– Мы разработали специальное устройство, которое углубляет и расширяет русло рек, ваше величество, что способствует расширению судоходства, и соответственно позволяет создавать большие суда, которые могут перевозить больше грузов, – с почтением ответил Корнелиус, крепкий мужчина, одетый немного старомодно, но весьма и весьма богато. Перстень с крупным бриллиантом на руке, был тому свидетельством.

– Да, что Вы говорите?! – Император посмотрел на графа. – А ведь мы недавно говорили на заседании правительства о том, что Москва-река в Бронницком уезде обмелела и это сильно мешает судоходству.

Граф учтиво кивнул головой.

– Совершенно верно, император. Как раз возле моей усадьбы в Быково, самое труднопроходимое место.

Император снова повернулся к немцам.

– И вы можете очистить реку?

– Конечно, император.

– Как скоро Вы можете приступить?

– Если будет высочайший указ, то мы сможем привезти и собрать оборудование к февралю, а к началу судоходного сезона река будет готова.

– И сколько Вы хотите за свою работу?

Наступила неловкая пауза.

– Ваше высочество, – снова взял слово Корнелиус, – мы хотим работать в России долго. Рек у Вас много, заказы, надеюсь, будут поступать часто. В качестве рекламной кампании мы готовы очистить русло реки Москва-реки бесплатно. Мы возьмем только для покрытия расходов то, что найдем на дне реки. Если не возражаете, конечно.

Император посмотрел на графа.

– И в чем здесь подвох?

Глаза императора и графа встретились. Иван снова считал настроение императора. «Все нормально. Его голова по-прежнему занята баронессой. Забивай последний гвоздь, граф!» Иван Илларионович прокашлялся и ответил.

– Обычная практика, ваше величество. В Европе давно так поступают. Считаю, что можно согласиться. Я лично прослежу, чтобы они сделали свою работу добротнo. В противном случае мы просто не выпустим оборудование из страны.

Император засмеялся.

– Слышали? Согласны на такой расклад?

– Да, ваше величество.

Император снова посмотрел на графа.

– Тогда подготовь указ, я завтра подпишу. И больше никаких разговоров о делах. Слышите.

Это был намек! Мужчины встали, поклонились императо-

ру, и отступили от столика, оставив императору и баронессу наедине.

На следующее утро Император, довольный проведенной ночью, (баронесса оказалась искусной в любовных утехах), подписал Высочайший указ «О разрешении проведения очистных и землеройных работ инженерной кампанией Беленбергов на всем русле реки Москва, а все имущество, найденное на дне реки во время работ, считать собственностью Беленбергов».

Через две недели к берегу Москва-реки, аккуратно напротив Колонеевской переправы пристала баржа с землеройным оборудованием из Германии. Это был первый пробный образец экскаватора на паровой тяге, разработанный по спецзаказу инженером Отсом.

Как и было обещано, в феврале, несмотря на снегопад и мороз, инженеры приступили к очистке русла реки.

Экскаватор на паровой тяге вещь не бывалая, не только в тех краях, но и вообще в Европе. Посмотреть, как работает «грохочущая лопата» собирался народ со всех окрестных деревень. Тех, кто не был занят на подсобных работах, приходилось разгонять околоточными.

Император также приезжал посмотреть, как ведутся работы, облазил всю землеройную машину, изучая механизмы, удивлялся, как такое возможно. Затем велел скопировать чертежи, чтобы сделать такие же на каком-нибудь уральском

заводе, когда технологии станут более доступны, и отбыл во дворец графа. Там его уже ждали жаркие объятия баронессы Анны, специально нанятой в Париже куртизанки.

В апреле землеройные работы были закончены. Баржу, на которой стояла землеройка, продали местным купцам и ее сплавили до Волги. Все же остальное оборудование разобрали, погрузили на телеги и вместе с ценным грузом, тридцатью шестью бочками с речным песком, так было записано в таможенной декларации, отправили в Мюнхен под усиленной охраной полиции. Обоз лично сопровождал граф Воронцов-Дашков.

На границе груз не был подвержен досмотру, так как граф подтвердил, что все в телегах и бочках является собственностью компании Беленбергов и предъявил таможенным офицерам высочайший указ его императорского величества. Все бумаги у немецкой кампании были в порядке. Груз беспрепятственно покинул пределы России.

На территорию Речи Посполитой «золотой» караван ступил в мае, когда дороги окончательно обсохли и стали проходимыми. Фридрих Беленберг, сын главы семейства и будущий владелец всех активов кампании, лично встречал в Брест-Литовском карету графа Воронцова-Дашкова. Он проследил за тем, как отряд российской полиции передавал охраняемый объект отряду крепких молчаливых мужиков, вооруженных кремневыми винтовками и кистенями.

Все они были бывшими солдатами наполеоновской армии, прошедшие огонь и воду. Их специально отбирала и нанимала кампания для сопровождения груза по польской территории. Все наемники были одеты в коричневые картузы, и такого же цвета кафтаны. На ногах сапоги или туфли на тяжелой подошве. Каждый имел с собой походный рюкзак и несколько пороховниц на широких поясах.

Граф Воронцов-Дашков продолжил же свой путь, но уже не в качестве ответственного лица, а в качестве гостя семьи Беленбергов. Он пересел в их карету, уютный дом на колесах, со всеми удобствами и приготовился наслаждаться природой и приятной светской беседой.

– Поздравляю Вас, Фридрих, – сказал граф, усаживаясь поудобнее. – Операция прошла успешно.

Фридрих, сухой не улыбочивый мужчина, одетый по голландской моде, не разделял оптимизма своего спутника.

– Еще не завершилась! – ответил он, глядя как мелькают в окне польские поля. – Нам не повезло, граф. Восстание в Польше привело в движение огромные массы людей, среди них много лихих сорвиголов. Поэтому держите пистолеты всегда заряженными и, как у Вас говорят, порох сухим!

Иван все это время считывающий информацию и передающих ее графу, отметил, что Фридрих был бы рад, если с графом, что-то случилось в дороге. Тогда кампании не пришлось бы делиться с ним украденным золотом, но долг честного предпринимателя обязывает его беречь и охранять сво-

его компаньона настолько, насколько возможно.

– Я готов к любым неожиданностям, Фридрих, уверяю Вас, – ответил граф слегка надменно.

За то время, что Иван провел в голове у Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова, он уже успел свыкнуться со своим положением и практически стать неотъемлемой частью души веселого и богатого графа. Иван научился управлять телом графа не только в моменты его отрешенности, но и тогда, когда слабовольное «я» графа говорило «нет». Сильные волевые стороны Ивана отодвигали в сторону все сомнения, и он брал управление телом графа в свои руки.

Конечно же, по-прежнему, Иван искал способ выбраться из чужого тела и вернуться в свое. Мысли об этом занимали большую часть его времени, и стали неотъемлемой частью мыслей графа. По эскизу, который они нарисовали, крепостной резчик по дереву Афанасий Чурилкин из села, где была усадьба графа, сделал отличный наличник. Иван несколько раз заставил графа пролезть через него, один раз даже прыгнул рыбкой, но... ничего не произошло.

Наличник отправили на задворки конюшни до возвращения из поездки в Европу, и велели стеречь как зеницу ока. Иван же продолжал перебирать варианты. Почему ничего не получилось? Может быть, что-то не так вырезали? Или не тот цвет? Или наличник должен висеть на доме? У него должны быть стекла? Вариантов было много. Самое обидное, все они могли быть не верными. Нужно было изучать

вопрос всесторонне. К счастью, времени для этого у него было достаточно. Возможностей тоже. Граф весьма влиятелен и не скуп. Иван не терял надежды, что найдет выход. Тем и существовал.

По плану караван должен был преодолеть польскую территорию без остановки, за один день, и достичь Бреслау уже на вторые сутки, а оттуда до Берлина и далее до Мюнхена дорога была уже относительно спокойная. Однако из-за поломки одной из телег пришлось делать небольшую остановку у моста близ Радома.

Нужно было переложить бочки в другую телегу и перезапрячь в нее лошадей. На все про все полчаса. Максимум, час. Однако, иногда и минуты достаточно, чтобы что-то пошло не так.

Для того чтобы перегрузить бочки требовалось усилия не трех-четырех, а восьми человек. Специальные ломы вставлялись в петли на кольцах бочек и с каждой стороны, вставляло по четыре человека. Как раз в этот момент по мосту проходил конный отряд гусар, идущий на помощь восставшим в Варшаву. Капитан гусар, лысый и усатый поляк, увидел, с какой натугой дюжие бывшие наполеоновские солдаты отрывали бочку от земли и перекладывали на телегу, сразу обо всем догадался.

Иван почувствовал опасность сразу, как только граф Воронцов и Фридрих Беленберг вышли из кареты, размять ко-

сти, ожидая перегрузки. Косые взгляды гусар, проезжающих мимо, как стрелы пронзали его сознание, заставляли сосредоточиться.

– Граф, кажется, нас тут ждут неприятности, – сквозь зубы выговорил Иван. – Не оставляй, пожалуйста, свои пистолеты.

– В чем дело? Ты что-то почувствовал? – спросил он вслух, удивив Фридриха, – не обращайтесь внимание, – граф махнул рукой, – я иногда разговариваю сам с собой. Такое бывает со мной от переутомления. Все-таки в дороге уже вторую неделю. Сбился со счета.

– Пока только почувствовал, – сказал Иван, – откуда исходит источник опасности, понять не могу. Ты же так быстро пробежался по всем глазами. Еле зацепил. Мне нужно время. Давай аккуратно, поводи головой, полови взгляды. И позови Ганса, он будет нужен, чтобы перезаряжать пистолеты.

Глава 7

Что было дальше, флегматичный и слегка зажатый Фридрих, воспитанный в строгих традициях банкир, всегда рассказывал, прибавляя новые детали. Так, что в старости ему уже не верили даже его внуки, хотя и просили каждый раз рассказать эту историю про кровавую битву у местечка Радом.

Первый же раз он ее рассказал своему отцу в Мюнхене, сразу, как только все тридцать шесть бочек с золотом, были спущены в главное хранилище банка Беренбергов, которое находилось в подвале дома на Максимилианштрассе. Для этого пришлось разобрать кладку дома и затем снова ее замуровать.

И первый раз рассказ, пожалуй, был ближе всего к истине. – Как господин граф почувствовал опасность, я не знаю, – начал свой рассказ Фридрих, – но сначала он начал говорить сам с собой. Потом извинился, что плохо себя чувствует, потом достал из пистолетного ящика свои пистолеты и позвал слугу Ганса. Приказал их зарядить. Затем граф хладнокровно вышел на открытое место и начал ждать.

Польский отряд, развернувшись на дороге, предпринял широкую кавалерийскую атаку. Охрана, тут же спрятавшийся за бочки, ответила дружным встречным залпом. Все заволокло дымом. Первый же нападающий, выскочивший из клу-

бов дыма, получил пулю в лоб... раньше, чем сам успел нажать на курок. И так каждый раз, как только кто-то вскидывал ружье, чтобы выстрелить в графа, тут же получал пулю от него. Да, это было невероятно, но граф делал выстрел на секунду раньше своего врага. Это было похоже на дуэль с несколькими противниками. Он совершенно не прятался. Не прошло и пяти минут как все закончилось. У нас было убито и ранено около десяти охранников, гусарский же отряд полег полностью, прежде чем смог преодолеть расстояние до обоза.

Последним был командир отряда, капитан. Он выбежал из клубов дыма с саблей наголо, обернулся, чтобы что-то закричать, увидел, что за ним никого нет, взмахнул рукой и натолкнулся на суровый взгляд графа, как будто на каменную стену.

Фридрих перевел дух.

– Затем капитан бессильно выпустил саблю и, развернувшись, побежал от нас с криками: «Боже помоги!»

– И все? – беспристрастный взгляд Корнелиуса Беленберга говорил о том, что он не верил ни одному слову своего сына, но рядом в кресле для почетных гостей, потягивая бокал баварского пива прямо со знаменитого луга Терезы и закусывая баварскими колбасками, сидел сам граф Воронцов-Дашков, церемониймейстер двора, действительный тайный советник, который ничего не отрицал, но и не подтверждал. Он просто улыбался, наслаждаясь моментом.

Для Ивана же ситуация напоминала поговорку: «По усам текло, а в рот не попало!». Он попытался проглотить слюну, и не смог.

Все, что происходило под Радомом, для него сильно напоминало компьютерную игру-стрелялку, в которые он успел в свое время порядком наиграться. В момент вброса адреналина в мозг графа, у него будто открылось дополнительная опция. Вычислять того, кто собирается нажать на курок, он мог на мгновение раньше выстрела и наводил руку графа, как в виртуальном пространстве. Дело, в общем-то было за Гансом, который оказался ловким малым и успевал перезаряжать пистолеты. А с капитаном получилась вообще странная штука. Когда глаза графа и капитана встретились, капитан настолько был деморализован случившимся, что его действиями руководил животный страх, усиленный религиозным воспитанием. Проникнуть в его сознание и шепнуть «Брось саблю!» было делом одного мгновения. Как щелчок кнута. И все, капитан побежал.

Расспрашивать гостя Корнелиусу Беленбергу, было неудобно, да и к их делу, это не имело теперь отношение. Все закончилось благополучно, а значит надо платить по счетам, поэтому банкир перешел к главной части их встречи.

– Итак, уважаемый граф, на ваше имя, согласно нашей договоренности открыт счет. Деньги переведены также в Banca Monte dei Paschi di Siena в Сиену. Как вы и просили. Естественно счет накопительный, самый высокий процент. Вы

можете получать любые необходимые Вам суммы в любом отделении нашего банка в Европе, а также у наших партнеров. Все как мы договаривались. Будут ли у Вас еще какие-то пожелания?

– Да, одно.

– Слушаю Вас.

– Могли бы вы открыть еще один накопительный счет.

– На чье имя?

– Иван Сазиков.

– На какую сумму?

– Ну пусть будет десять тысяч франков.

– Будет исполнено. Но мы не знаем, как выглядит указанный Вами господин.

– Не важно. Когда он придет, то назовет имя и кодовое слово. Вы отдадите ему все, что будет накоплено. Договорились?

– Ваше слово для меня закон, граф. Каким будет код?

– Запишите фразу, она будет звучать на русском языке.

Он должен произнести ее точь-в-точь.

Корнелиус Беленберг взял лист бумаги.

– Записываю!

Иван шепнул графу слова из песни, которая играла у него в машине, когда он выходил из нее в последний раз.

«Шаланды полные кефали, в Одессу Костя приводил!

И все биндюжники вставали, когда в пивную он входил...»

Беленберг невозмутимо записал строчки из песни и повторил. Получилось довольно смешно. Граф оставил на листке свою подпись и написал цифру: 10 000, удостоверяя тем самым ее подлинностью.

— Когда ждать нашего нового вкладчика?

— Не знаю. Возможно, он вообще никогда не придет.

Граф прожил беспутную жизнь, тратя деньги направо и налево, не считая их никогда. Умер же через двадцать лет, в возрасте шестидесяти четырех лет в Петергофе по официальной версии от холеры, которую подхватил во время одной из увеселительных мероприятий, организованным им в честь императора. По неофициальной от разрыва сердца, застав свою жену, подарившую ему дочь и сына, в объятиях любовника. Его тело похоронили на кладбище Александро-Невской лавре. Уже через год его жена вышла замуж за своего любовника, парижского лекаря. Граф так и не смог узнать, о чем думает женщина, потому что Ивана среди тех, кто провожал графа в последний путь, уже не было.

Еще в Польше, испугав капитана, он понял, что может спокойно переходить в сознание от одного человека к другому. Может пользоваться телами людей, как пересадочными станциям, иногда даже не входя с ними в контакт. Все еще уверенный в том, что ключ к его свободе находится в наличнике, он перебрался поближе к нему и начал ждать.

Старую деревянную раму долго хранили на конюшне, за-

тем молодой граф продал усадьбу помещику, владельцу Казанской железной дороги. Новый хозяин не оценил мастерство резчика и приказал избавиться от нее, как от ненужного хлама.

Но раму не выбросили, ее пристроил к себе на дом местный купец. Покрасил в желтый цвет и добавил в верхнюю часть солнечный рунический знак. Еще его называли «знак Быка», такие были почти у всех в селе. Когда купец разорился и пустил дом с молотка, рама перекочевал в дом крестьянина села Становое под Бронницами. Крестьянин подрабатывал извозом, поэтому вырезал из дерева два колеса, и прикрепил их на наличник в нижней части. С дороги всегда было видно, что в доме живет извозчик. Сразу после семнадцатого года, крестьянин продал свой дом. Его разобрали и перевезли в деревню Пятница, что под Каширой. Там в нем поселился председатель колхоза, бывший партизан и сотрудник НКВД. Чтобы была понятна принадлежность к советской власти, он наклеил по бокам рамы деревянные звезды и покрасил их красной краской...

Все это время Иван был рядом. Он следил, как изменяется структура дерева наличника, как на него влияет солнце, луна, дождь, снег, жара. Как меняются тени от узоров в зависимости от времени суток. Как раскрываются и закрываются трещины на досках в зависимости от времени года. Как темнеет рама от дождя. Как покрывается пылью все горизонтальные поверхности, и ветер сдувает ее. Как отваливаются

детали резьбы, добавляя индивидуальности в рисунке, как выцветает и шелушится краска. Иногда он вспоминал, еще какую-то деталь и являлся к хозяину дома, кто бы он ни бы, чаще всего во сне, давил на него до тех пор, пока наличник не обновлялся.

Однажды, в окно дома заглянул волк. Это было студеной зима. Волк был голоден, искал еду и совсем потерял чувство страха. Ивану оказалось этого достаточно. В одно мгновение он решил, а пропади все пропадом.

И вот он уже мчался по заснеженному полю, убегая от мужиков с дубьем. Убежал и долго выл на луну. Но в шкуре волка ему было тесно. Тогда он вставал на задние лапы и драл когтями стволы деревьев в лесу. Выбраться наружу он не мог, ему было некуда. Его тела не было рядом. Тогда он вернулся. И больше не отходил от окна.

Шли годы. Годы сливались в десятилетия. Сменялись эпохи и люди. Мимо окна проезжали люди на телегах, потом на каретах, потом на машинах. Хлопали двери. Разбивались стекла. Вставлялись двойные рамы. В доме гуляли свадьбы, справляли поминки. Рожали и провожали на войну, первую мировую, потом гражданскую, финскую. Иван уходил вместе с мужиками воевать, а потом возвращался. Их встречали с войны. Провожали на учебу в город. Иван уходил вместе с детьми учиться и снова возвращался. Иван смотрел на все это глазами хозяина дома и через призму окна. Окно стало ему настолько родным, что казалось, он сам стал окном.

Так продолжалось почти век... Иван не сдавался. Он ждал и верил, что наступит момент, когда проход в раме обязательно откроется.

Грохнул пушечный выстрел. Снаряд просвистел над домом и упал где-то в поле, оставив глубокую воронку. Председатель выглянул в окно и закричал.

– Черт побери, что это такое?

Подбежал к телефонному аппарату и начал крутить ручку.

– Девушка, девушка соедините меня со штабом обороны города...

В трубке была полнейшая тишина. Он покрутил ручку еще раз, потом подул в трубку и повесил ее на рычаги. Посмотрел на свою молодую жену и ребенка.

– Ох, не доглядел я. Не доглядел. Быстро в подвал. Как же так, ведь не было здесь немцев. Проморгала разведка, что ли...

– Что там, Антон? – спросила его жена, прижимая годовалого ребенка к груди.

– Танки, Таня, танки, – ответил он надевая на свой пиджак ремень с патронташем и затягивая его потуже. Из-под стола достал бутылки с зажигательной смесью. Распихал их по карманам. Подслеповато прочитал инструкцию на этикетке. Снова выглянул в окно. По улице пробежало несколько красноармейцев и ребят из отряда самообороны. Они стреляли куда-то вдоль улицы. Один из них упал, раскинув руки.

– Какие еще танки, – женщина недоумевала.

– Немецкие, твою мать, Таня, – он сорвался на крик. – Ты что расселась как наседка. В подвал живо я сказал. Жи – во. Отсидишься, потом огородами в Каширу к матери и если сможешь еще дальше, уходи. Все, не реви, я сказал. Не поминай лихом.

Он поцеловал жену и сына, хлопнул дверью и, на ходу передергивая затвором, выбежал во двор.

Председатель был старым солдатом, воевать ему было не впервой, поэтому он сразу направился к упавшему на улице солдату, чтобы проверить... ранен или убит. Уже подбежав к нему и проверяя пульс, он удивленно отметил, что на солдате совершенно нет одежды. Вернее он весь был забинтован, как будто после ожога. Пуля чиркнув по лицу, содрала со щеки кожу и опалила брови. Но одежды не были никакой. Как будто он где-то лежал в медсанбате, и услышав выстрелы выбежал на улицу, не успев схватить даже оружие.

Именно в этот момент, сквозь шум боя и орудийную канонаду Иван услышал призывный лай собаки. За долгие годы, из памяти у него успели стереться многие моменты. Он иногда даже забывал, как его зовут, но этот лай он узнал сразу. Потому что это был лай черного пса Шурки.

Когда председатель щупал пульс у упавшего солдата, Иван заглянул ему в лицо и ... узнал себя.

Председатель услышал в ушах какой-то свист, как будто ветер прошелестел и пригнулся. Может быть пуля? Затем он

увидел, как солдат очнулся и открыл глаза. Они встретились взглядами и Председатель как будто узнал в молодом солдате себя в молодости. Иван с трудом пошевелил пальцами и разлепил посиневшие губы.

«Где я? – Иван попытался подняться на локтях и ощупать себя. – Блин, да я голый»

Все в его теле было ему знакомым и одновременно чужим, он успел порядком отвыкнуть от него. Но особо разлёживаться посередине улицы времени не было. На конце улицы показался немецкий танк, который хищно водил жалом дула по домам, выискивая жертву. Из проулка выбежал чёрный пес лизнул Ивана в лицо, и схватившись за его кисть потянул в сторону, на обочину дороги, где можно было укрыться от прямого пулеметного огня. Вместе с председателем они сделали это достаточно быстро.

В придорожной канаве Иван уже смог сесть на колени, стыдливо прикрывая свое естество. Бинты свисали с него странными лоскутами. Председатель снял с себя пиджак.

– На, накинь на себя, прикрой срам. Где это тебя так угодзило?

Иван покачал головой.

Мимо пробежала белая кошка.

– Ну-ка брысь отсюда, – цыкнул на нее Председатель, – нашла время.

Танк медленно полз по улице, расстреливал избы, из которых время от времени раздавались одиночные выстрелы.

Дома вспыхивали и превращались в большие костры. Из них выбегали люди и падали, скошенные пулеметными очередями. Иван понял, что еще немного и танк достигнет их дома. Его рука сама потянулась к «коктейлю Молотова». Председатель не мешал ему. Он только спросил.

– Как пользоваться, знаешь?

– Разберусь. Уходи. Огородами уходи. И семью заberi.

Председатель шевельнул кадыком, принимая трудное для себя решение. Потом пожал ему плечо.

– Как звать-то тебя?

– Иваном.

– Выживу, сына назову, – крикнул Председатель уже по дороге к крыльцу. Жерло танка будто почувствовало движение и медленно наехало на расписной наличник. Иван взглянул туда и понял, что жена Председателя не спряталась в подвале. Медлить было нельзя. Он чиркнул запалом, размахнулся и бросил бутылку точно в моторное отделение танка.

Раздался звон разбившейся бутылки, и по броне танка побежали огненная жидкость. Над танком поднялся вонючий черный дым. Сквозь него прямо над Иваном пронесся рыжий филин. Иван увидел как птица проткнула собой стекло резного окна и исчезла в темном омуте, за ним прыгнула белая кошка и последним, гавкнув в его сторону, был черный пес.

Ивану уже не надо было говорить, что будет дальше. Разбежавшись, он с силой оттолкнулся ногами и нырнул, вытя-

нув руки вперед. Раздался выстрел, и его бинты загорелись.

Глава 8

Открывать глаза не хотелось. Было приятно лежать и ощущать свои руки, ноги, пальцы. Играть мышцами. Водить языком по небу. Дрожать веками, так чтобы они чуть приоткрывались, и сквозь ресницы проникал свет. Можно было даже пошевелить ушами. У Ивана никогда этого не получалось, но тут он почувствовал, шевелятся.

– Кажется, приходит в себя, – услышал незнакомый мужской голос.

– Да, вторые сутки пошли, но выкарабкается. Уверена.

«А вот этот голос мне знаком! Точно знаком!» Иван открыл глаза и увидел Степаниду. Она стояла над ним и была одета в форму майора полиции. В руках она держала папку и его документы. Рядом стоял мужчина в белом халате. «Наверное, доктор!» – подумал Иван. Он поводил глазами вокруг. Больничная палата на несколько человек. Но сейчас в ней были только он, Степанида и мужчина в белом халате.

– Где я? – разлепил губы Иван.

«Хороший вопрос. А вы ничего не помните?» —спросил его врач.

Иван пожал плечами.

– Как очутился здесь, точно не помню.

– Ну, товарищ майор с Вами побеседует. Вам все расскажет. Меня же интересует Ваше самочувствие. Больной, как

себя чувствуете?

Иван не смог сдержать улыбки. Это был самый приятный вопрос.

– Себя чувствую отлично, – ответил он как космонавт. – Полет продолжается!

– О, юмор, ценю, – врач наклонился над ним и показал ему палец. – Следите за движением!

Иван повторил глазами все вращения.

– Так! Реакция нормальная. – Врач повернулся к майору, – В принципе, у меня вопросов нет. Капельницу мы убрали. Может отдохнуть еще денек, если захочет, но а так он весь ваш.

– Доктор, я здоров? – спросил Иван.

– Полного осмотра вашего состояния мы не проводили, конечно, но учитывая то, что Вы попали к нам без сознания, сейчас ваш организм в удовлетворительном состоянии.

– А когда я могу пойти домой?

– Вот с товарищем майором все уладите и можете быть свободны. Нечего койку занимать. Ну, я пошел. Мне еще обход делать.

Степанида кивнула головой.

– Да, идите. Мы тут побеседуем с ... – Она заглянула в паспорт Ивана, – господином Сазиковым. Это Вы?

Иван поднялся на руках и сел в постели.

– Не, буду отрицать. Я. А как у Вас оказались мои документы?

– Они из машины, марки «Мерседес», номер Р257АМ подмосковный регион. Это ваша машина?

– Да, моя. Где она?

– Вы оставили машину на обочине трассы в зоне действия знака «Стоянка запрещена». Ее увезли на штрафстоянку.

Иван откинул голову к спинке кровати и прошептал.

– Вы не представляете, как я рад это слышать.

Степанида не удивилась.

– С возвращением. С Вами все в порядке?

Иван засмеялся.

– В полном, в полном порядке. Да, да. Продолжайте. Что я еще натворил?

– Пока ничего.

Степанида села на соседнюю кровать и достала из папки листок.

– Я дознаватель Рязанского областного ГУВД, Степанида Петровна Волхова. Майор полиции. Веду ваше дело. Выясняю обстоятельства вашей травмы.

– Какой травмы?

– У вас на щеке крупная рана. Судя по ее характеру, она была произведена из огнестрельного оружия с короткого расстояния. Кто в Вас стрелял, Вы можете сказать?

– Танк, – ответил, не задумываясь, Иван, – из крупнокалиберного пулемета.

– Какой еще танк?

– Немецкий. Это точно. Какой марки я не знаю, я в дета-

лях не разбирался.

– Где и когда это было? При каких обстоятельствах? Можете сказать?

– Деревня Пятница под Каширой, в октябре 1941 году, во время прорыва танков Гудериана, – без запинки вспомнил Иван.

Степанида тяжело вздохнула и посмотрела на Ивана грустными все понимающими глазами.

– А в протоколе то, что мы запишем?

Иван догадался, что с точки зрения обычной логики его ответ выглядел нелепо. И он сразу все понял.

– Не помню. Не помню, кто в меня стрелял. Приехал в деревню Волхвы, чтобы сфотографировать наличники. Я фотограф, увлекаюсь деревянной резьбой. Искал интересные образцы.

– Ну, вот уже лучше, – Степанида положила ему на тумбочку документы. – Это ваши, проверьте там все на месте? – И продолжила опрос. – Как вы попали в район поймы реки Проня, в бывшую деревню Волхвы?

– Что значит бывшую?

– Как административной единицы деревни уже давно не существует. Официально все жители получили квартиры в новом микрорайоне города Рязань, и давно туда переехали. Все дома в деревне назначены под снос, а на ее месте будет развернут полигон бытовых отходов.

– Какой еще полигон?

Степанида заулыбалась.

– Калинов мост. Так его прозвали в народе, по имени нашего губернатора.

– Бред какой и что никто не протестует?

– Ясненько. То есть вы хотите сказать, что вместе с активистами экологического движения выступаете против решения областного правительства? А в деревне оказались для участия в несанкционированных акциях? Так?

Степанида надавила на последнее слово и взглянула в глаза Ивану. Иван все понял, но на всякий случай озвучил.

– Вы хотите, чтобы именно это было записано в протоколе? Да? Но я ни с какими активистами не связан. Я приехал фотографировать наличники. Честно.

– Допустим. А как тогда в Вашем фотоаппарате появились эти фотографии?

Степанида достала из тумбочки фотоаппарат, Иван заметил, что в тумбочке лежит и его разбитый планшет. Майор показала ему кадр в его фотоаппарате, на котором были изображены хевсуры Чингисхана. Кадр был очень удачный. Как будто вчера сделан.

– Это, это, – Иван попытался быстро найти здравый ответ. – Это реконструкторы. Я их встретил по дороге в деревню.

– Отлично, так и запишем. – Степанида облегченно вздохнула, и записала все в протокол. – И мой вам совет, так всем и говорите, во избежание неприятностей. Вам все ясно?

Она протянула ему папку с листом.

– Вот здесь распишитесь.

Иван оставил свой автограф и вернул ручку. Он открыл было рот, чтобы что-то спросить, но Степанида прервала его, снова строго глядя в глаза и перейдя на «ты».

– Тебе все ясно? Никому. Даже жене, понял. Если не хочешь всю оставшуюся жизнь прожить юридическим. Вот моя визитка. Если будут вопросы, звони. Мы всегда рядом. – И для закрепления смысла слов повторила, – все понятно?

– Понятно, – вздохнул Иван. – Кроме одного. Кто такие мы?

– Мы – это Волхвы. И как бы это ни звучало для тебя странно, ты теперь один из нас. Скажу честно, я не хотела этого. Но так получилось. К сожалению.

– А что мне теперь с этим делать?

– Пока просто живи. Деревню действительно хотят снести. Василиса придумала этот план, и мы рассчитывали, что ты как известный фотограф сможешь обратить внимание на уникальные объекты в деревне.

– На наличники?

– Да, – Майор кивнула головой, – ты занимался ими много лет, и она хотела показать тебе их истинную сущность, на малом круге. Легкое путешествие, туда и обратно. Ну, вроде турпоездки. Поразить тебя в самое сердце. Понимаешь?

Иван вспомнил, как он стоял на берегу реки Калки и ощущал холод булатной стали в руках. Меч был прекрасен.

– У нее это получилось, – усмехнулся он, и задумался. – Да, думаю, многие бы заплатили большие деньги за такой аттракцион.

– Но что-то пошло не так, – продолжила майор, – и ты попал на большой круг. Скажу честно, шансов вернуться у тебя почти не было.

Пробежавший мороз по коже, напомнил Ивану и ту бездну времени, которую он провел как бестелесное существо.

– Охотно верю!

– Но ты прошел все точки инициации и вернулся. Теперь по объему полученной информации ты вохв высшей категории, но без посвящения.

– И что дальше?

Она встала.

– Все что могла, я тебе сказала. Свой выбор ты будешь делать сам.

На выходе она обернулась.

– Да, чуть не забыла, я взяла на себя смелость и забрала твою машину. Поэтому никаких штрафов платить не надо. «Мерседес» сейчас стоит здесь у больницы. Можешь считать это тебе моим подарком.

И немного промолчав.

– Еще раз с возвращением и извини, нас за то, что так получилось. Если сможешь, конечно. Твоей жене мы сообщили, что на тебя было совершенно нападение. Она сказал, что придет за тобой.

Иван остался в палате один изучать потолок. Не то, чтобы ему что-то сообщили новое. Все-таки годы в чужих телах его многому научили. Все это он уже успел и сам понять, но одно дело догадки, другое дело услышать от реального человека. Или не реального? Это еще предстояло проверить, а пока... Это он чувствовал точно, думать, что делать дальше, ему ну никак не хотелось. Наконец-то он в своем времени и в своем теле! Вот что главное! Он может шевелить своими руками, ногами, крутить головой, когда сам захочет. Это такой кайф... К черту больницу! Домой, домой. К жене.

Иван сгреб в охапку свои документы. Достал из тумбочки фотоаппарат и планшет. Снял со стула футболку и джинсы, залез в свои разбитые берцы и ощутил себя самым счастливым человеком.

Ощущение близкое к нирване догнало его, когда сел за руль машины и втянул ноздрями запах потертой кожи салона. Не хватало еще маленькой детали. Иван аккуратно взял свой планшет. Стекло было треснуто, но не сильно. Подключился к зарядке и привычным движением провел пальцем по экрану.

Поразительно, в сети его не было всего три дня по меркам нынешнего времени, но почти сразу же после подключения на него обрушился град смс и пропущенных звонков. Жена пыталась набрать его 56 раз. Звонила мама. Из типографии. Друзья сообщали, как им классно в Абхазии.

– Как мало надо для счастья? – мелькнуло у Ивана в голове, и он принялся набирать свою Мулю.

Жена сообщила ему, что сломала ноготь и не сможет выехать за ним немедленно, да и вообще не поедет к нему, так как должна была заехать к своему мастеру, чтобы подправить маникюр. Собственно поэтому она ему столько раз и звонила, и была сильно раздражена, что он уже третьи сутки подряд, никак не хочет взять трубку.

Иван с удовольствием выслушал еще раз все, что о нем думает Муля! Конечно, ему и раньше прилетало от нее, но сегодня она была особенно в ударе. Впрочем, Иван отметил для себя, что еще три дня назад, он бы впал в рефлексию по этому поводу, а сейчас только подумал, что уже больно сильно его жена стала ругаться. Даже не ругаться, а браниться. Прямо как старуха из сказки Пушкина, которую он слушал в живую на балу у графа. Не рановато ли ей для старухи?

Память услужливо напомнила ему, для чего собственно была создана женщина. В ее функции спасение мужчины из неприятностей явно не входила. Поэтому он особенно не расстроился из-за слов Мули. И хорошо, что она не поехала за ним. Еще ее саму бы пришлось спасать, учитывая, что она за пределы Садового кольца выезжала только к морю. То есть до ближайшего аэропорта. Да, и чем собственно она могла ему помочь?

Да, повидав на своем веку многих женщин, он был вынуж-

ден констатировать, что его Муля самая настоящая блондинка, и тем не менее, Иван ее любил. Ну, что тут поделать!? Стремился к ней всем своим телом, ее хотел... и чтобы было самое важное, несмотря на капризы и обиды, которая Муля выплескивала на него, она тоже явно скучала по нему и ждала. Это Иван понял даже сквозь поток самых страшных угроз, которые вылились на него.

Она скучала по нему. И это было самое главное! Может быть, только из-за этого он и смог вернуться!

Думать и мечтать о встрече с женой, ему практически сразу, как только он выехал из Рязани, стали мешать голоса.

Причем это было не образное поэтическое сравнение, а вполне конкретное физическое ощущение. Голоса врывались к салон машины вместе с шумом трассы и были как звуки многих радиостанций, которые ловит радиоприемник при быстрой прокрутке.

Обрывки фраз и шелест ветра в боковом стекле. Голоса доносились снаружи автомобиля. Кричали ему вдогонку. Иван поднял стекло и включил кондиционер. Попытался сосредоточиться на дороге и музыке из нормального радиоприемника. Он специально включил его погромче.

Как только правила дорожного движения разрешали прибавить больше девяноста километров в час, голоса становились тише, но стоило сбросить скорость до шестидесяти, въехав в какое-то село или деревню, чьи дома окнами смот-

рели на дорогу, голоса снова накатывали на него волнами с прежней силой.

Они его звали. Звали зайти в гости, и поздороваться с хозяином. Рассказывали ему свои и чужие истории. Пели песни. Плакали. Травили байки и анекдоты.

Можно было бы списать сей феномен на то, что все же большую часть своей жизни он занимался тем, что фотографировал наличники, а голоса – это от волнения и пережитых впечатлений, но ... тем не менее они были. С этим надо было тоже что-то делать?

Впрочем, когда Иван въехал в столицу, голоса исчезли. В мегаполисе, сделанном из стекла и бетона, им просто неоткуда было взяться.

Войдя в свою квартиру, на пятом этаже многоэтажки, он привычным движением кинул ключи на тумбочку в прихожей и крикнул.

– Муля, я вернулся!

Муля выглянула с кухни. Окинула его придирчивым взглядом и снова вернулась к плите.

– Я готовлю овсяную кашу, ты будешь со мной?

– А мясо в каше есть?

– А ты заслужил мяса?

– Ну, Муля.

– Свари себе пельменей, если хочешь и не забудь принять душ. От тебя воняет как от мартовского кота.

По привычке, которую он выработал за долгие годы, сразу вернувшись из поездки, Иван первым делом скидывал с флешки фотоаппарата все отснятые снимки на жесткий диск, чтобы было возможность рассмотреть их на большом экране домашнего компьютера и выбрать наилучшие фотографии. Обычно Иван забивал флешку под завязку, и скачивание больших файлов занимало приличное время.

Как раз столько, что успевал принять душ и вернуться обратно. Так сделал и на этот раз.

Уже намыливая голову, стоя под душем, осознал, что ему на самом деле хотелось все бросить и облапить Мулю, затащить в спальню. Но ведь в реальном времени, по ее мнению, он неизвестно где шляется трое суток, получил во всю рожу синяк, и в общем-то еще не было понятно, достоин ли ее милости или нет. И куда только делать та страстная фурия, которой она была до свадьбы?

Впрочем этот вопрос был философским. Он не видел ни одной женщины, которая бы не поменялась после свадьбы. Всему свое время.

В квартире голосов не было, но здесь к его мировосприятию добавилось другое чувство. Он вдруг понял, что больше не может спокойно смотреть на наличники. На свои собственные фотографии. Их в доме было несметное количество. Они смотрели на него со всех сторон. Большие рекламные плакаты, открытки, календари. Изданные буклеты и гранки еще неизданной энциклопедии валялись и висели

повсюду. Даже в туалете на стиральной машине лежала книга «Деревянное зодчество». А еще эти магнитики на холодильнике.

Раньше все это радовало его взгляд и раздражало Мулю. Она это называла «дровами», «досками», «мусором» и требовало убрать. Теперь он был готов полностью с ней согласиться. Каждая фотография стала для него как раскрытая многотомная книга, которую он не мог не читать. А дома надо было отдыхать от работы.

Ему с лихвой хватило одного века, чтобы понять это.

Обязательно, завтра все уберу. Начал он составлять список на завтрашний день...

Да, Муля была блондинкой, но она была женщиной. И не могла не отметить изменений, которые произошли в Иване. В его глазах, походке, движениях. Он как будто-то постарел на сто лет. Муля даже увидела седой волос на его голове, который тут же, пока Иван ел, попыталась вырвать маникюрными ножничками.

– Муля, что ты делаешь? Больно же, – промычал Иван, жуя пельмени. Жена все же смиростивилась и сама бросила пачку в кастрюлю. Никогда они не казались ему такими вкусными.

– У тебя седой волос, – показала ему свою находку.

– И что? Обязательно это делать сейчас?

Муля надула губы. Иван рассмеялся.

– Тебе не идет.

– Что?

– Обижаться. Иди ко мне.

Он усадил ее к себе на колени и уткнулся носом в грудь, вдыхая ее аромат.

– А-ба-лденно! Какие пельмени!

– Ты извращенец! Шлялся неизвестно где, и еще пристаешь, – Муля вскочила и выбежала с кухни, стреляя глазами, словно намекая. Выбирай: или я, или еда. Она ушла в спальню и включила там телевизор.

Однако Иван все равно не торопился. Он хлопнул рюмашку холодной запотевшей водки, которая тоже все же была заранее приготовлена и стояла рядом с тарелкой. «Обожаю тебя, дорогая!» Спокойно доел все, что было приготовлено, затем поставил тарелку в умывальник, залил сверху водой, чтобы утром не пришлось отмывать прилипшее, и только после этого пошел в спальню.

Естественно опоздал. Его ждал только включенный телевизор. Муля, святой человек, уснула сразу, как только положила голову на подушку. Он забрался к ней сзади и, обняв, тоже попытался уснуть.

Уже сквозь сон слышал, как диктор телеканала начал рассказывать о митинге протеста против строительства полигона бытовых отходов в Рязанской области.

«Завтра найду в интернете подробности», – сделал он себе еще одну зарубку на следующий день, после чего сил хва-

тило только, чтобы нажать на кнопку отключения на пульте, и провалиться в нормальный человеческий сон.

А что еще нужно простому волхву, вернувшемуся из долгого путешествия?

Глава 9

С утра ничего особо искать не пришлось. Муля собирается на работу, она как не странно еще и работала в какой-то конторе администратором, врубила на всю мощь телевизор и ушла в ванную. «Все как обычно. Ничего не изменилось. Или все же что-то не так? Да, явно что-то не так, потому и с утра не обломилось», – думал Иван со слепленными глазами, вслушиваясь в информацию из телевизора.

Он приоткрыл глаза. Лежать в собственной постели было обалденно круто. Мягкий матрас, чистые простыни. Вытащил из-под одеяла руки. Бросил их сверху, чтобы ощутить мягкость и ворсистость ткани.

По каналу показывали повторение вечерних новостей. Тележурналист на фоне грузовой техники рассказывал о том, как группа молодых людей из экологической организации перекрыла дорогу к заброшенной деревне. На экране мелькнули лозунги об экологической безопасности и произволе властей.

Муля заорала из ванной.

– Сазиков, ты сволочь!

Иван подскочил как ошпаренный.

– Что случилось?

– Ты вчера мылся и налил на пол, а вытирать кто должен?

Пушкин?

Иван снова вспомнил этого черноволосого курчавого полунегра-полурусского на балу у графа Воронцова-Дашкова. Он читал для всех «Сказки о царе Салтане». «Блин, получается все же – было!»

– Ну, что так орать-то? – он встал и прошел в ванную, взял тряпку и вытер лужу на белом кафеле. – Все?

– Почему сразу это было нельзя сделать?

– Потому что я вчера был уставшим, блин, – вдруг сорвался Иван, – и просто забыл. Разве с тобой такого не бывает?

Муля насупилась и отвернулась, продолжая наводить лоск перед зеркалом. Иван залюбовался женой. Она это заметила и решила пококетничать.

– Ну, что уставился? Иди, давай. Нет времени.

– А может?

– Нет, – оборвала его Муля, – никаких может. Я на работу опоздаю. Вот приходи вовремя домой и все будет.

Иван попытался надавить, но еще раз получил четкий сигнал, что ничего не будет. Пришлось вернуться обратно в спальню, где как раз показывались последние кадры репортажа. Во весь экран был изображен дом с наличником – его дом. Из Каширы. Его Иван не смог бы ни с чем спутать. Сейчас на нем висела покосившаяся надпись «библиотека».

– Активисты уверяют, что все дома в старой деревне являются ценными памятниками архитектуры и настаивают на создание здесь музея деревянного зодчества, но мы поинтересовались у специалиста.

Появилась лицо мужчины, сильно напоминающее императора Николая Второго в молодости. Титры снизу подсказали, что это профессор архитектуры. С умным видом он изрек, что с их точки зрения ценности данные дома если и представляют, то только как дрова, а вот полигон бытовых отходов помог бы реально снять экологическую проблему в регионе и что немаловажно, пополнил бы казну области, принимая мусор из других областей и прежде всего из Москвы.

– Вот, – раздалось за спиной Ивана, – послушай умного человека. Это дрова. Я тебе уже сто раз об этом говорила. И не забудь вынести мусор. Все же это мужская обязанность. Я ушла.

Иван чмокнул жену в щеку и закрыл за ней дверь. Вернулся в спальню. По телевизору показывали уже что-то другое. Он его выключил и прошел в гостиную, где у него было оборудовано рабочее пространство и стоял компьютер. Компьютер находился в спящем режиме. Качнул мышкой. На экране высветилось сообщение, что скачивание закончилось. Иван открыл скачанную папку. На него с экрана взглянули лица хевсуров, Темучина, пленных, Марко Поло и этого, как его отца Фабио. Ну, как такое возможно? Среди них затесалась одна фотография ребенка. Мальчика.

«Кульхан, – с трудом Иван вспомнил его имя. – Великий император двух империй, объединивший запад и восток. Царь земли и моря. Так, кажется, его называл Темучин. Ин-

тересно, а что с ним стало?» Википедия услужливо выдала ему статью о том, что хан Кюльхан, через «Ю», так его имя обозначала всемирная сеть, погиб в битве под Коломной в 1238 году. С удивлением он узнал, что сына своего Кюльхан назвал в честь первого имени деда – Куча. Подробностей гибели хана не было, но Ивану они были и не нужны. Он вспомнил разговор отца Фабио и Темучина, когда священник говорил великому хану о том, что время рыцарей и поединков прошло, все решают деньги и информация. Поединок – это не для правителей земли. Видимо, царь Иван или Темучин не послушал совета. А может это был граф Воронцов? Или старый наполеоновский гвардеец у костра близ старой немецко-польской границы? Или комиссар в пыльном шлеме, который спорил с председателем и грозил ему маузером?»

Иван закрыл Википедию и вошел в свой аккаунт в ВК. За то время, что его не было, ему в друзья постучалось три человека. Он почему-то даже не удивился, увидев их имена. Василиса, Александр и Филипп Волховы. Ну, конечно. А какие еще у них могли быть фамилии. Иван нажал кнопку «Добавить» и выбрал предложенный статус «Коллеги по работе».

В принципе, какое-то время фотоаппарата у него не было. Вполне возможно, что эти фотографии просто ему закачали на фотоаппарат, чтобы потом убеждать в реальности его путешествия во времени. Да, хотя бы та сумасшедшая Ал-

ка. А как это проверить? Он поискал в интернете несколько форумов реконструкторов. Один показался ему более-менее адекватный. Обсуждались вопросы истории, и деталей снаряжения воинов. Прошел регистрацию и закачал туда все фотографии с вопросом. «Ребята, я новичок в реконструкторских делах, вот сделал несколько фото. Оцените качество?» Увидел, что сразу кто-то начал смотреть. Ну, хорошо, вечером мне накидают какие-то мнения. Посмотрим. Зашел в аккаунт Василисы. Оказалось, что это уже и не девочка вообще. А ему она казалось совсем ребенком. Старшеклассница. В ленте новостей у нее висела ссылка на телевизионный репортаж и просьба максимального репоста.

Отдельно были выложены фотографии, которые не попали в телерепортаж. Крупным планом лозунги и плакаты. «Нет экологическому геноциду!» «Сваливайте мусор у себя дома!» «Калинов мост не пройдет!» И все в таком духе.

Точно, надо вынести мусор! Иван оделся, взял ключи, полез за мусорным ведром под раковину. Мельком заглянул в него. Сверху лежали упаковки, пакеты и пластмассовые банки, а на самом дне лежало уже начинающее пахнуть мясо, жареная картошка и... пустая бутылка шампанского! «Дня три уже лежит наверное», – подумал Иван. И тут же понял. Так вот почему Муля была такая злая в тот день. Да, и сейчас еще не отошла. Она приготовила романтический ужин, а он балбес оказался за тридевять земель. Интересно, по какому поводу планировался банкет? Иван прикинул. Годовщи-

на свадьбы? Еще рано. Знакомства? Тоже. Может день рождения тещи? Вроде не отмечали никогда с таким пафосом.

Иван завязал узлом мусорный пакет и вышел в подъезд. За лифтом находился мусоропровод. Несмотря на то, что уборщица мыла здесь каждый день и раз в неделю с хлоркой, тем не менее, стойкий запах мусора не выветривался. Иван постарался побыстрее все сбросить вниз, в трубу. Отходы их жизнедеятельности и следы их взаимоотношений с грохотом ушли вниз. Все! Начинаем жизнь с нового листа, вернее с чистого ведра, а эти прошедшие дни завтра заберет мусоровоз.

Все как обычно, все как всегда.

Вернулся в квартиру и снова залез на сайт реконструкторов.

Там уже появились первые комментарии. «Что за лох это делал? Посмотрите на клепки, сразу видна сварка! С какого деревенского утренника такие фотки? Здесь серьезный форум, не надо нас своими детскими рисунками грузить!» Ну, да, а чего он собственно ожидал прочитать? Вау, как ты попал в одиннадцатый век? Ладно, таким способом ничего не добиться.

Снова перешел в аккаунт Василисы. Написал ей: «Привет! Как дела?»

Василиса ответила сразу.

– Привет, рада тебя видеть. Ты с нами? Мы сегодня будем устраивать пикет у здания областной администрации. При-

езжай!

– Во сколько?

– Ближе к вечеру, как народ освободиться с учебы. Нас пока только студенты поддерживают.

Иван сделал репосты Василисиных воззваний у себя на странице и в группе «Виртуальный музей живых личностей», добавил с комментариями от себя, и принялся за уборку. Собрал все фотографии, разложил их по папкам и убрал в стол. На это у него ушло не так уж и много времени. И сразу дышать стало легче. Глаза не цеплялись за знаки, которые посылались ему с каждого окна. Снова вернулся в аккаунт Василисы.

– Сегодня не смогу. Напиши, что еще планируете делать? Нужны ли средства?

– Нужны продукты для тех, кто дежурит у въезда в деревню, и не пропускает машины. Нужны палатки и какие-то средства гигиены. Нужны листовки, нужны деньги на адвокатов. Деньги на все нужны. А ты можешь помочь?

Иван задумался. Имел ли он право пускать средства, которые собирал методом краудфандинга для своей деятельности, направить на помощь Василисе? Все-таки ему люди кидали деньги на его деятельность по сохранению визуальных образов личностей, а тут речь идет о реальности. Реальность, наверное, важнее.

– Чем могу помочь? – Отбил он все-таки на клавиатуре и нажал. «Отослать».

На следующий день, в пятницу Иван повез Мулю в торговый центр. Это был традиционный семейный выезд за покупками на всю неделю. Правда, поездка не заладилась с самого начала. Сначала не было места, где припарковаться, потом оказалось, что любимый мулин магазин был закрыт на ребрендинг.

Муля раздражалась по любому поводу и срывала злость на Иване, который еще подливал масла в огонь, постоянно ведя переписку с Василисой по вацапу.

В какой-то момент Иван потерялся и неожиданно для себя выдал.

– Муля, знаешь из-за чего ты психуешь?

Та удивилась, но заинтересовано спросила.

– Почему?

– Да, потому что мы с тобой сексом уже неделю не занимались.

– А чего с тобой заниматься сексом, Сазиков? Толку как от козла молока.

– А какой тебе толк-то нужен. Думаю, у нас детки бы получились, что надо.

Они как раз проходили мимо детского магазина, и Муля вдруг резко сменила тон.

– Дурак ты, Сазиков. Что ты понимаешь в детях? Родить дело нехитрое. А вот как мы их воспитывать-то будет. Живем на съемной квартире, перебиваемся какими-то случай-

ными заказами.

– Вообще-то один хороший свадебный заказ, нас целый месяц кормит.

– Да, он и год мог бы кормить, но ты же все опять на свои дрова спустишь!

– Кому дрова, а кому и памятники русского зодчества.

– Ой, ну все.

– Да, кстати, мне надо снова срочно уехать в Рязань. Если хочешь, можешь поехать со мной, – добавил он.

Муля, скривила лицо.

– Это выше моих сил. Я с тобой точно разведусь. Другие мужья возят жен на Мальдивы, а ты предлагаешь мне поехать в глушь смотреть на помойку? Сазиков, ты в своем уме?

Крыть Ивану было собственно не чем. Он решил промолчать для ясности, но мнения своего не поменял. Рано утром, в субботу Иван снова выехал по знакомому ему маршруту. Весь багажник машины был забит отпечатанными листовками, продуктами, питьевой водой, медикаментами, батарейками. Уже выскочив на трассу, он обнаружил, что ему периодически приходится обгонять оранжевые мусоровозы с надписью «Экосервис» на бортах. Ближе к Рязани машины уже не ехали, а стояли рядами на обочине и возле них курили хмурые водители.

В Рязани он встретился с Василисой и передал ей листовки, которые тут же разобрали активисты. Затем она показа-

ла ему, как проехать в Волхвы по объездной дороге, минуя посты полиции. Все-таки деятельность Василисы в социальных сетях за несколько дней возымела некоторый успех. К деревне Волхвы потянулись люди из разных уголков страны. Власти же, опасаясь массовых волнений, решили перекрыть туда допуск, сославшись на то, что согласно распоряжению губернатора, теперь это полигон бытовых отходов и является режимным объектом.

Проезжая через дубраву, Иван увидел старый дуб. Нога сама потянулась к тормозу, но, Василиса, будто прочитав мысли, его остановила.

– Это не то дерево. Меч лежит в другом месте.

– Все-таки лежит? – не поверил Иван.

– Конечно лежит. Ведь ты его туда положил. А ты все еще пытаешься убедить себя, что все, что случилось с тобой, была иллюзией?

– Пытаюсь, – честно сознался Иван.

– У всех волхвов так. Поначалу. Потом привыкаешь.

Библиотека напоминала штаб сопротивления. Хотя почему напоминала, она и была штабом сопротивления. На крыльцо постоянно заходили и уходили какие-то люди. Выносили и заносили коробки с печеньем, хлебом, сухими супами. Иван и Василиса тоже занесли свои продукты в дом.

– Куда складывать еду? – спросила Василиса у женщины в очках, которая пыталась навести хоть какой-то порядок в

творившемся бедламе.

– Клади, пока здесь, потом разберемся, – ответила она и ткнула пальцем на улицу, – Потапыча здесь нет. Он в палатке.

Потом осмотрела Ивана.

– А ты и есть Иван?

– Да, я Иван, – ответил Сазиков, – а что?

– Ничего, слышана.

Василиса потянула его за руку.

– Пошли, доедем до палатки.

Женщина переспросила.

– Вы на машине?

– Да.

– Тогда везите туда свои продукты, чтобы два раза не ездить.

Иван вышел на улицу и с грустью посмотрел на свой налечник. Он мог его узнать среди тысячи других таких же окошек. Как космический корабль тот звал его в дальние путешествия, манил и подмигивал. «Давай, залезай, полетели!» Иван подмигнул ему как старому приятелю. «Подожди, скоро слетаем еще куда-нибудь! Обязательно».

Они выехали за околицу и уткнулись в баррикаду из сухих деревьев, штакетника, старых бочек и телег, которые были навалены прямо по середине проселочной дороги. С одной стороны баррикады стояла армейская штабная палатка, с другой уснувшие мусоровозы, источавшие едкий запах тух-

лости и гниения. Возле ближайшего грузовика, на земле валялось несколько вывалившихся мусорных пакетов. Конечно, среди них вряд ли бы он смог узнать свой мусорный пакет, но тем не менее. «Вот это я называю: «Приехали!» подумал Иван.

На обочине дороги сидели понурые водители и жгли костер из выдернутых из баррикады досок, пытались приготовить на огне какую-то еду. Возле палатки тоже горел большой костер, на котором в котле варилась ... «Гречневая каша, – определил по запаху Иван. – с тушенкой!». Вокруг костра сидели школьники и студенты, а также какие-то молодые мужчины и женщины интеллигентного вида. Бренчала гитара. У костра с палаткой народу было больше, но все они выглядели как выехавшие на пикник.

«Тяжелую технику им не остановить», – почти сразу оценил обстановку Иван.

Входя в палатку, он уже понимал, как действовать и что делать. Как человек, который видел и большие и малые битвы, он понимал, что восстание будет подавлено скоро и даже без особых трудностей. В общем-то, сразу как приедет ОМОН.

О чем он и сказал всем собравшимся в палатке. Какой-то казак, на нем была папаха, гимнастерка и портупья, на которой болталась дедова шашка, осадил его.

– Много тут ходит умников.

Но Потапыч, сидящий за раскладным столиком, на кото-

ром лежала карта местности, сразу отнесся к его словам с пониманием. Он поднялся и подошел поздороваться.

– Вот познакомьтесь, друзья, это Иван Сазиков. К его советам лучше прислушаться.

Он показал ему на место за столом рядом с собой.

– Что ты предлагаешь? – И шепотом, так что бы слышал только он, добавил. – Говори, Волхв!

Иван увидел, что на него смотрит десяток глаз, и все были готовы его слушать и верить ему. Такого он никогда не ощущал. По одному его слову люди могли подняться и пойти куда угодно. Потому что ему верили. Просто верили. Это было странное чувство. Он на мгновение прикрыл глаза и разом увидел будущее.

Горящие тяжелые грейдеры... потом пылающий бронетранспортер, вертолет. Большой отряд спецов в бронежилетах, прочесывающих лес. Собаки. Аресты. И разговор, длинный разговор. Да, так будет. Тут изменить практически ничего нельзя. Может быть детали. Но, главное, все же будет разговор... Между ним и кем-то, кого он не знал.

Иван проглотил ком в горле и спросил.

– Давайте сначала определимся, что мы имеем? И чего хотим добиться?

Развернув к себе карту, это была хорошая военная карта, на которой были прорисованы все детали, Иван окинул взглядом поле битвы...

Глава 10

... Лампочка под потолком кухни горела тусклым светом. Ноутбук работал без звука. Муля спала, и будить ее не хотелось. Сильно болела разбитая бровь. Костяшки пальцем кровоточили. Да, это была славная битва! Он рассчитал все как по нотам.

Рослый спецназовец из группы «Альфа» догнал его и сбил на землю ударом ноги в спину. Иван упал на грудь и выронил из рук корзинку с грибами, которые покатались по траве. Василиса красиво расставила веб-камеры, и картинка получилась душераздирающей. Иван закричал: «За что? Я простой грибник» и с размаху ударил спецназовцу корзинкой по голове. Она смешно наделась ему на бронированный шлем. Ивана скрутили и поволокли по земле.

Конечно, центральные телеканалы не показали ни одного кадрика, но по сетям запись разлетелась сотнями картинок. Миллионы просмотров и миллиарды перепостов. Спасибо, отец Фабио!

Иван закусил губу и втянул запах дома. Потом чтобы выбраться из леса, ему пришлось обратиться в волка. Ненадолго. Буквально, чтобы выскользнуть из рук. Но все равно, это очень неприятное занятие. Запахи теперь его будут преследовать недели две, да и сил это выкачало порядком. Он смачно зевнул и полез в холодильник за водкой.

Интересно, а Муля хоть что-то видела? Вряд ли! Она ведь только сериалы смотрит, да МузТВ. Да, ей и не надо знать, чем занимался ее муж. Интересно, все же кого ему пришлют? И что предложат? Впрочем, и это не важно. Слушать все равно будут его.

Раздался звонок в дверь. Иван посмотрел на часы. Два часа ночи. Посмотрел на дверь спальни. Она была закрыта, но он точно почувствовал, Муля проснулась. «Будет скандал!» Пошел открывать дверь. На лестничной клетке стоял лысеющий мужчина, в сером костюме. Совершенно неприметная личность. И именно своей неприметностью он выделялся. В руках у него была картонная папка с надписью «Личное дело». Муля вышла из спальни комнате в накинутах наспех халате.

– Кто там? – спросила она, зевая.

– Это ко мне?

– Сазиков, ты охерел, – Муля развернулась и ушла в спальню. Острый нюх волка уловил в ее запахе какие-то изменения, но какие Иван почувствовать не смог.

– Разрешите войти? – спросил его незнакомец.

– Входите, раз пришли. Я собирался пить водку. Будете?

– Если можно кофе. Ночь на дворе. Спать охота.

Иван пожал плечами. Можно, конечно. Мужчина прошел за ним на кухню. Иван включил конфорку, поставил кипятить чайник.

– Разрешите, присесть?

– Давайте без церемоний.

– Благодарю.

Мужчина кинул папку на стол. На папке было написано его имя. Из папки вывалилось несколько фотографии, в том числе и хевсуров. Он сел на табурет и постарался не смотреть Ивану в глаза.

– Полковник Симеонов, аналитический отдел главного разведывательного управления генерального штаба Вооруженных сил России, – представился он, и добавил. – Владимир Андреевич.

– Вот оно как? Сразу из ГРУ.

– Да, можно сказать Вам повезло, и Ваши фотографии попали в нужные руки.

Иван налил рюмку и, занюхав краюшкой черного хлеба, который достал из хлебницы, опрокинул себе в рот.

– И чем же они Вас так удивили?

– Мы прогнали их по нашей базе. Таких людей не существует сейчас на земле.

– Конечно. Они давно умерли.

– И вы их фотографировал? Это не фотомонтаж, мы тоже все проверили.

– Совершенно верно. Сфотографировал.

– Но как?

– Думаю, что это началось очень давно. Волхвы переходили от дома к дому, заглядывали в окна, и постепенно научились понимать, кто живет в доме, по узорам на налични-

ках. Информация передавалась устно, и копилась, пока не достигла критической массы...

– Не понял? – удивился полковник. – А подробнее?

– Это надолго.

– Понял. Давайте тогда перейдем к другому вопросу. У меня есть указание побыстрее закончить беспорядки, устранить все недоразумения и наладить с вами взаимовыгодное сотрудничество. Если такое возможно.

– А если невозможно?

– Думайте сами, – ответил уклончиво полковник.

Иван снова повел носом. Скривился. Он знал, как пахнет страх и ложь. Здесь такого не было. Ну, что за порядок? Сделай, он что-то просто в рамках закона. Написал бы письмо в приемную президента, да хоть куда, хоть в ООН. На его письма никто не обратил внимания. Отделались бы обычной отпиской, но стоило ему организовать нормальную борьбу по всем правилам партизанской войны. И все! С ним стали говорить на равных. Даже слова подобрали. Устранить разногласия. Ну, ладно, придирайтесь к словам не буду.

– А зачем было вообще все это начинать?

Он кинул пустую бутылку в ведро. Вы знаете самое смешное, что я точно знаю, сейчас эта бутылка лежит здесь денек, потом отправиться в мусоропровод, потом в мусоровоз и потом на этот самый проклятый полигон. Как его там? «Калинов мост». Название же придумали, как в сказке. Пиарщики хреновы. Но ведь как не называть, свалка она и есть

свалка, а я просто уже не могу засорять свою собственную страну?

– Ну, по-другому пока не все умеют работать. Да и что Вы можете предложить кроме крикливых плакатов и бутылок с зажигательной смесью?

Иван оценил осведомленность полковника.

– Что в бюджете нет средств для строительства нормальных заводов по переработке мусора? Чтобы можно было пускать на вторичное сырье, вырабатывать энергию, чтобы не было этого, курва, тухлого запаха, от которого воротит. Я уж не говорю о сохранении исторического наследия. Не к ночи будет сказано.

Полковник засмеялся.

– Все же просто. Бюджет – это деньги общественные, а значит ничьи. Нужны инвестиции, а их пока из-за санкций особо никто не предлагает. В общем, замкнутый круг.

– То есть просто дело во взятках?

– Ну, что-то вроде того.

– А если я найду частные инвестиции?

Полкан напрягся. Иван даже почувствовал как у него на затылке поднялась шерсть. Почуял деньги, собака.

– Ведь это же теоретический разговор? – Как можно спокойнее выговорил полковник. – Вы представляете, какие нужны средства?

– Отлично представляю. И какие препятствия могут быть, тоже представляю.

Полковник замялся.

– Ну, почему сразу препятствия? Если мы договоримся, то могу гарантировать поддержку на самом высшем уровне.

– Знаю я Вашу поддержку, – Иван ткнул пальцем в экран ноутбуку. – Видели?

– Успел посмотреть пока ехал к Вам, – кивнул полковник.

– Мне за этот ролик немного денег полагается, от Ютуба. Можете мне организовать поездку в Мюнхен? За мой счет, естественно. Ну, я имею в виду беспрепятственный проход через границу.

– Только если вместе со мной.

– Естественно.

Самолет заходил на посадку. Иван увидел столицу Баварии в иллюминатор и попытался сравнить свои ощущения сейчас и тогда. Двести лет назад он также увидел город с высоты холма. Город лежал у его ног, и казался игрушечным зеленым полем в туманной утренней дымке. Тогда не было высоких зданий. Не было аэропорта. Не было асфальтовых дорог.

Сейчас был уже поздний вечер. Солнце почти зашло, но зелени по-прежнему хватало. То там, то здесь торчали указующие в небо пальцы небоскребов, протыкая серые облака. Автобаны, как морщины, покрывали лицо старика Мюнхена. Отдельным пятном чуть в стороне от города выделялся Терезин луг, место проведения Октоберфеста, самого боль-

шого пивного фестиваля в мире.

Иван откинулся в кресло и пережил момент касания с землей. Прилетели.

Гудки машин, рев авиационных турбин, объявления о прилете и вылете. Этих звуков тоже тогда не было. Были звонки экипажей, крики уличных торговков и лай собак. А еще был постоянно зудящий голос то в левом, то в правом ухе. Тогда это были мысли графа. Чужие мысли, которые тем не менее он вынужден был слушать и терпеть. Сейчас же чужие мысли проносились через его голову с той же скоростью и ... зудели нудно как какая-то кровожадная комариха.

Иван потряс головой, отгоняя гнусное насекомое, но тем самым только сильнее его раззадорило...

– Иван, чего застрял? – Муля выдавала разнонаправленные команды со скоростью несколько слов в минуту. – Пошли уже. Подожди. Мне надо в дамскую комнату. Бери чемодан. Лови такси. Где моя сумка? О Боже, я забыла ее в самолете? Нет, не забыла.

Для Мули цель поездки звучала так. «Дорогая, хочу свозить тебя в Европу за шмотками! Ну, а заодно и пивка попить» Она не спросила, ни откуда деньги, ни на сколько времени летим. Просто собралась, как солдат в пять минут. Чудная женщина! И, тем не менее, перелет в Европу для нее был безусловно стрессом, поэтому Иван отнесся к состоянию жены с легкой иронией. Он, правда, так и не понял, почему она отказалась от коньяка перед полетом. Обычно, по-

сле двух-трех рюмок она становилась спокойнее и засыпала. А тут только минералочка!

Краем глаза Иван выловил полковника в толпе прилетающих. Он походил на молодящегося чиновника, который находился в предвкушении большого загула на пивном фестивале. Рядом с ним была сногшибательная брюнетка. Вылитый папик на отдыхе. В общем, ничем не отличался от сотен пассажиров авиалайнера.

– Подожди секунду, дорогая, – скрипнув зубам, ответил Иван и достал из кармана телефон, который начал оживать после перелета.

– Ну, хоть один день ты без него можешь обойтись? – буркнула Муля и, как всегда недовольная, ушла.

Полковник проследил глазами ее маршрут, что-то шепнул своей брюнетке и взял из ее рук чемодан. Дамочка тоже устремилась в дамскую комнату. Операция «Знакомство» вступила в завершающую стадию.

В отель «Кемпински» на Максимилиан-штрассе 17 они приехали на такси уже вчетвером. «А что, Ваня, вместе веселее, да и дешевле!»

Был поздний вечер. Однако, город жил своей жизнью и необыкновенно бодрил. Побросав чемоданы и сумки в номере, Муля объявила, что собирается с Томой, так звали теперь ее новую подругу, отправиться по ближайшим магазинам. «На разведку, одним глазком!»

– Идите, идите, а мы тогда Вас тут с Кириллом Георгиевичем, – так представился полковник, –, прикроем!

Иван предложил своему новому знакомому отметить прилет в отельном баре. Перекусить баварскими сосисками и естественно отведать пива. Официант быстро выполнил заказ и растворился. Иван с удовольствием сдул пену с кружки пива.

– Когда я здесь бы в первый раз, – начал свой рассказ Иван, – то пиво так и не попробовал. Что называется, по усам текло, а в рот не попало. И тогда я пообещал себе, если доведется вернуться, обязательно напьюсь до поросычьего визга. Так что не обессудьте.

Он засмеялся.

– Но у Вас есть еще минут десять до того, как я дойду до кондиции.

Полковник пригубил кружечку, оставив на лице пивные усы.

– Лейтенант Камбурова, опытный оперативник, присмотрит за вашей женой. Безопасность лишней не бывает.

– Вот даже как, – удивился Иван, и хмыкнул. – Все, значит, под контролем.

– Мне кажется, что Вы не совсем понимаете всю сложность ситуации. Уверяю, мне удалось с большим трудом добиться того, чтобы Вас выпустили за границу, после того, что вы натворили. Напомню, у меня насчет Вас самые жесткие инструкции. Вы меня понимаете?

– Отлично, понимаю. Но у меня нет планов, случайно нырнуть с моста или попасть в аварию. Наоборот, хочу жить долго и счастливо. Давайтеждемся завтрашнего утра.

– Что будет утром?

– Все просто. Мы посетим офис одного частного банка, который расположен здесь неподалеку. Я вступлю в права наследства. Средств, которые находятся на счете в этом банке и лежат на счете, открытом на мое имя, достаточно, чтобы решить все наши проблемы.

– Вы серьезно?

– Ну, если я Вам вру, то моя участь незавидна. Согласны?

– Да уж.

– Там что можем спокойно отдыхать. Или продолжать составлять мне компанию. А завтра если ничего не получится, то я буду первым русским, который совершит сэппуку. Ритуальное самоубийство самурая.

Иван затянул песню из репертуара Марка Бернеса. Полковнику ничего не оставалось делать, как подпевать ему. Потом они вышли на улицу и прогулялись по пустынному городу, правда недолго. Ночью в городе соблюдался режим тишины, и кто-то из недовольных бюргеров быстро вызвал полицию. Иван шмыгнул в проулок и забежал во двор дома, чтобы отлить.

– Вот это кайф, – Иван полил струей стену здания, – Вот что за дурацкие у меня мечты, а полковник. Нет бы мечтать о чем-то великом, а тут еще один гештальт свой реализовал.

Иван поднял голову в небо.

– Посмотрите, на звезды. Вот они совершенно не поменялись. Как светили, так и светят. И сейчас и тогда двести лет и, что характерно четыреста лет назад.

Полковник покорно стоял на шухере.

– Ладно, вижу Вам не по нутру мое настроение, – оценил состояние своего собутыльника Иван.

– Признаться да.

Иван обошел здание, внимательно осмотрев весь фасад. Как он и ожидал, его явно не разбирали и не реставрировали. Почти ничего не изменилось с тех времен. Выйдя снова на улицу, поднял голову и прочитал вывеску.

– Беленберг банк. Максимилиан-штрассе 30. Да, это тот самый дом.

Посмотрел на начинающего замерзать полковника. Все-таки осень и ночь!

– Вот сюда, Владимир Андреевич, мы и наведемся завтра утром.

Утром Муля, внезапно подобревшая и совершенно ошалевшая от навалившего счастья, ушла заниматься шоппингом со своей подругой. «Уже по серьезному». Она только и успела чмокнуть едва проснувшегося Ивана в ухо, чем окончательно его разбудила. Неожиданно шепнула ему «Люблю тебя!» И упорхнула.

Уже через пятнадцать минут, Иван услышал, как пилик-

нула смс. Пришло сообщение из банка о первой покупке.

– Лиха беда начало, – пробурчал Иван, собирая себя по постели. Как не хотелось ему вставать, но пришлось. Сунул ноги в джинсы. Надел рубашку, пиджак. В каком-то веке надел туфли. В общем, оделся прилично. Конечно, отеки под глазами никуда деть было невозможно, но ведь и шел не на свидание. Пока собирался, пришло еще несколько смс от Мули.

Мельком глянул на них и удивленно отметил, что не все они были из бутиков. Одно сообщение было из аптеки. Сумма была небольшая. Всего три евро. Интересно, что можно было купить на такую сумму. Иван полез в интернет. Услужливый поисковик выдал два варианта. Презервативы или тест на беременность. Хм, а что она купила в итоге? Пришла еще одно смс. Снова из аптеки. Сумма чуть больше. На этот раз поисковик предложил такой вариант: «детские подгузники».

«А зачем ей детские подгузники?» – с такой мыслью он и вышел из своего номера. Полковник как часовой ждал его в вестибюле первого этажа. Он пил минералку.

– Что полковник? Худо ли Вам так же как мне?

Тот отмахнулся.

– Лучше молчи и ничего не говори.

– Вот именно, – не стал спорить Иван, – тем более, что молчание – золото. Именно это и предлагаю Вам сейчас проверить.

Банковский клерк, белая рубашка, темно-синий галстук, был предельно вежлив. Он предложил Ивану и полковнику присесть, а затем – чай или кофе. Иван заказал кофе, полковник снова попросил воды.

– Итак, господа, чем наш банк мог быть Вам полезен?

– На мое имя должны были открыть счет, – сказал Иван, делая глоток из малюсенькой чашечки, затем положил на стол свой паспорт. – Посмотрите, пожалуйста. Я хотел бы получить свои деньги.

Иван осмотрелся. Камера видеонаблюдения неотрывно следила за ним. Конечно, все в этом помещении поменялось, отметил он про себя, за исключением самих стен. Здание точно не перестраивалось.

Банкир удивленно взял в руки российский заграничный паспорт, покрутил его в руках. Нашел латинские буквы и ввел их в компьютер. Все произошло буднично и без пафоса. Ответ был собственно очевиден.

– Извините, господин Сазиков, но у нас нет такой информации. Вы можете уточнить данные? В каком году был открыт счет? На какую сумму?

– В одна тысяча восемьсот тридцать первом. Десять тысяч франков.

Банкир нажал еще несколько кнопок. И снова отрицательно покачал головой. Вернул паспорт Ивану.

– Извините, господин Сазиков, у нас нет такого счет. Вы

ничего не путаете? Может быть – одна тысяча девятьсот тридцать первом?

Он уже самостоятельно проверил и эту дату. И снова отрицательно покачал головой.

– К сожалению, ничем не могу Вам помочь, – клерк улыбнулся и добавил, – но вы можете легко открыть новый счет, прямо сейчас. Мы можем Вам предложить несколько вариантов накопления капитала. Уверяю у нас лучшие условия.

Иван его уже не слушал. Он смотрел на видеокамеру.

– Шаланды полные кефали, в Одессу Костя приходил, и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил, – затянул неожиданно для всех Иван, причем настолько громко, что повернулись даже клиенты, сидящие за соседними столами.

Полковник ошалело посмотрел на Иван, на клерка, на напугавшего охранника у входа. И поднял руки.

– Извините, господа, это нервный стресс. Мы уже уходим.

Полковник подхватил Ивана и выволок его из банка. Сазиков продолжал повторять строчки песни, как заезженная пластинка.

Глава 11

Впрочем, выйдя из банка, Иван вдруг резко стряхнул с себя руки полковника.

– Да, пустите же меня, чтобы облапили меня как профурсетку, – он зло посмотрел на дверь банка и на камеру, которая следила за ним у входа, и крикнул прямо в глазок:

– Вот, зря Вы так поступили со мной. Теперь заплатите в сто раз больше.

Затем резко развернулся и пошел в сторону отеля. В сущности, Сазиков не сомневался в том, что так произойдет. Просто хотел проверить хваленую честность немецких банкиров.

– Полковник, не ждите, прямо сейчас кончать с собой я не буду, – бросил Иван на ходу, входя в отель. Его желваками ходили ходуном. Он был вне себя от злости. – Мне нужна от Вас еще одно одолжение. Так сказать, последняя просьба умирающего.

– Чем могу, помогу.

– Можете найти электронный ящик старейшего члена семьи владельцев этого банка, не председателя, а именно члена семьи. Они сейчас не участвуют в оперативном управлении. Мне нужен личный почтовый ящик. Чтобы именно ему попало мое письмо. Не секретарю, не администратору, а вот именно этому человеку. Уверен, для вашей конторы это не

составит труда.

Владимир Андреевич удивленно отметил перемены в поведении Ивана. В его походке появилась твердость, а в голосе железо. Правда, он отлично понимал, что ничего ему не поможет. Просто утопающий хватается за любую соломинку.

– Мне надо будет связаться с кое-кем, но думаю, такое возможно.

– Хорошо, я буду ждать от Вас письма в своем номере. И не думайте, все еще только начинается.

Полковник пожал плечами. «Жаль парня!». Через пару часов Симеонов переслал нужный ему адрес. Иван тут же написал письмо. Прикрепил к нему одну фотографию, копию которой скачал из файлообменника, и отправил по присланному контакту. Когда ноутбук сообщил, что письмо доставлено, он выдохнул, сел в кресло возле окна с видом на улицу и начал ждать.

Пришла еще одна смс. «Поздравляю, ты скоро станешь отцом»!

«Как всегда вовремя, Муля, ты просто прелесть!» – подумал Иван, и услышал звонок внутреннего телефона. Звонили с ресепшен и сообщили, что к нему пришли.

– Пусть поднимаются.

Он тут же перезвонил полковнику и попросил его так же зайти. Полковник вошел в дверь вместе с пожилой дамой, одетой в строгий костюм английского покроя. В правой руке дамы была сумочка из крокодиловой кожи, а на левой руке

надет золотой перстень с огромным бриллиантом.

Иван сразу узнал этот перстень. Когда-то он видел его на руке Корнелиуса Беленберга-Госслера. Он пригласил вошедших присаживаться. Дама и полковник посмотрели друг на друга с настороженностью, но выполнили просьбу Ивана. Незнакомка с интересом разглядывала Ивана, практически не обращая внимание на полковника.

– Господин Сазиков, приношу Вам свои извинения за работу наших сотрудников, но Вам нужно было обратиться в VIP-отдел. Там информация о Вашем вкладе была.

Дама наклонилась к Ивану, как будто хотела сказать ему на ухо.

– История о вашем вкладе, господин Сазиков, передается в нашей семье из поколения в поколение. И мой прадед, и дед и мои родители периодически ждали Вашего появления. Особенно во время Второй мировой войны, когда появилась песня. Но потом решили, что война помешала, и совсем списали дело в архив. Мы неоднократно проверяли всю родословную графа и не находили никаких следов. В конце концов это стало просто семейной легендой. Никогда не думала, что увижу Вас в реальности.

– И тем не менее вот он я. Думаю, для соблюдения формальности мне необходимо сказать кодовую фразу?

– Вы ее несколько раз пропели под камеры видеонаблюдения нашего банка. Но если есть желание.

– Шаланды полные кефали, в Одессу Костя приводил. И

все биндюжники вставляли, когда в пивную он входил.

Дама усмехнулась губы.

– Не Бернес, конечно, но гонорар за ваше искусство впечатляет.

Дама достала из сумочки конверт и протянула его Ивану.

– Это карточка нашего банка, на нем все деньги и проценты, за вычетом наших услуг, естественно. Если хотите получить наличные, то в нашем банке никаких процентов для Вас не будет.

Иван взял в руки конверт, покрутил его между пальцев и положил на стол.

– Вот спасибо, как раз вовремя, а то Муля скоро потратит весь наш скромный бюджет.

Дама изобразила оскал, похожий на улыбку.

– Даже если она очень постарается, теперь ей будет это не под силу. Вы теперь один из богатейших людей мира.

Иван засмеялся.

– Не прибедняйтесь. До Вас мне далеко.

Дама прикрыла глаза, немного помолчала, прежде чем продолжить.

– Как вы понимаете, я пришла к Вам не только для того, чтобы вручить Вам кредитную карту, хотя не скрою, это было мне очень интересно.

– Конечно. Вас больше интересует присланная вам фотография. Уверен, без нее вы бы даже не заметили моего присутствия.

Дама поцокала языком.

– Зря Вы так. И, тем не менее, что Вы собираетесь делать, – она помолчала, подбирая слово, – с этим старинным документом?

– Думаю, лучше обсудить этот вопрос не со мной, а с представителями официальных властей нашей страны.

Иван указал на полковника.

– Знакомьтесь, Владимир Андреевич Симеонов.

– Очень приятно, баронесса Карнелия фон Беленберг-Госслер.

Иван пояснил.

– Речь идет о фотокопии с акта приемки-передачи тридцати шести бочек с золотыми слитками, клейменными личной печатью императора Наполеона 1, который был подписан в мае 1831 года. Там стоят подписи графа Воронцова-Дашкова и прапрадеда Карнелии, его кажется звали также – Корнелиуса фон Беленберга-Госслера.

– Да, это традиция. Называть внуков именем деда. Когда родилась я, девочка, имя немного поменяли.

– Опустим подробности. Вернемся к золоту. Насколько я понял, по кирпичной кладке дома по адресу Максимилиан – штрассе, 30, золото до сих пор находится в его подвалах.

Иван посмотрел на полковника.

– Да, речь идет о том самом доме, в двух шагах от сюда. Где мы с Вами...

– А теперь я попрошу опустить подробности, – попросила

Карнелия, – камеры фиксировали все ваши действия.

Полковник внимательно выслушал обоих и очень оживился.

– А можно поинтересоваться о каком золоте идет речь? Я что-то не совсем понял?

– Речь идет о золоте, которое Наполеон снял с куполов Москвы в 1812 году, – разъяснил Иван, как будто речь шла о пенсии его деда, – а граф Воронцов-Дашков и фон Беленберг-Госслер, прапрадед этой милейшей дамы вывезли его из России. Обманув аж двух императоров, Франции и России,

– Очень интересная информация, особенно накануне встречи нашего и вашего президента.

– Думаю, банку совершенно не нужно поднимать эту историю? Да, баронесса? – спросил Иван у Карнелии. – Уверен, вы никогда и никому не говорили о своих золотых запасах, которые можно сравнить с запасом нескольких Европейских союзов и Великобритании вместе взятых.

Карнелия Беленберг-Госслер достала из сумочки сигарету и прикурила. Полковник услужливо подвинул к ней пепельницу. Банкирша кивком головы поблагодарила.

– Нам не хотелось бы ворошить прошлое. Может быть мы могли как-то купить у Вас этот документ?

– У меня есть встречное предложение.

– Слушаю Вас?

– Насколько мне известно, в Германии хорошо развит биз-

нес по сборке, утилизации, и переработке отходов жизнедеятельности человека. Вы занимаете одно из ведущих мест по экологии.

– Совершенно верно. Наша семья инвестировала немало средства в создание самых современных заводов по переработке отходов.

– В таком случае, семье будет интересно вложить часть капиталов в такое же производство в России? И это будет как раз взгляд в чистое и ничем не замутненное будущее? Что скажете?

Карнелия вздохнула и посмотрела в окно.

– Зо-ло-т-ники? Да. Так кажется, называли на Руси тех, кто чистят отхожие места.

– Золотари, – поправил ее полковник. – Очень почетная и прибыльная профессия между прочим была.

Ей очень не хотелось этого говорить, но пришлось.

– Думаю, я смогу убедить совет директоров, если будет уверенность в том, что данный документ никто кроме нас больше не увидит?

– Уверяю, это не в моих интересах.

Когда банкирша ушла. Симеонов не смог сдержать эмоций и зааплодировал.

– Браво, Иван! Я восхищен Вами. Прекрасная операция. Иван криво улыбнулся и покачал головой.

– Я просто знал, что и кому надо говорить. Обычное дело

для волхвов. Посмотрим, что еще будет.

Пришла очередная смс от Мули. Иван прочитал ее и засмеялся.

– Деньги, которые мы взяли с собой из России, благополучно закончились. Абсолютный рекорд. – Он посмотрел на часы, – менее чем за сутки.

– И что дальше?

– Дальше я планирую открыть центр по изучению наследия волхвов и взять для этого в аренду усадьбу графа Воронцова-Дашкова.

– Вы хотите сказать, что этому дару можно научиться.

– Не уверен, что этому можно научиться, но точно знаю и понимаю, что эти древние технологии нужно изучать. Это как искусство стрельбы из лука. Вы когда-то стреляли из лука? – Спросил Иван у полковника и с досадой махнул рукой. – Ах, да, у кого я спрашиваю. Наверняка стреляли. Так вот Вы, наверное должны понимать, что сначала вы просто целитесь непонятно куда.

– Потом приходит осознание выбора цели, – продолжил его мысль полковник и переспросил. – А Вы значит тоже занимались стрельбой?

Иван одобрительно кивнул.

– Да, в глубоком детстве, – и продолжил развивать свою мысль. – Потом разум постепенно начинает подчинять мышцы. Вы начинаете попадать в любую точку, куда укажут глаза. Сначала цель управляет Вами, потом Вы управляете це-

лю. Так и здесь! Сначала время и пространство управляет Вами, потом вы начинаете, управлять временем, пространством. Это искусство – его можно развить, при определенных обстоятельствах.

– И людьми? В конце концов можно управлять людьми?

– И ими тоже. Безусловно.

– Думаю, я Вас понял. Ну, а как с бумагами графа? Где они?

– В надежном месте.

– И все же. Мне надо будет докладывать президенту.

– Лучше если их точное местоположение не будет знать никто кроме меня.

– Они хотя бы в России?

Иван встал со своего кресла и размял затекшие мышцы. На ручке кресла остался отпечаток его руки.

– В России. В России.

Он подошел к окну. Выглянул на улицу. Карнелия Беленберг-Глоссер садилась в свой «Майбах», на заднее кресло. Швейцар придерживал дверь салона. В какой-то момент она подняла голову и посмотрела в его сторону. Их взгляды встретились. Как будто скрестились две сабли. Но ... Иван кивнул ей головой. Она поприветствовала его взглядом и убрала свое оружие в ножны. Фехтовать взглядом с человеком, который прожил на ста лет больше, чем она, больше чем все его предки до седьмого колена бессмысленно, все пришло в неустойчивое равновесие, которое никому не хотелось

нарушать. «Майбах» как огромный лайнер отчалил от дверей отеля.

– Так уж и быть, – вернулся мыслями в отель Иван, – лично Вам я покажу эту бумагу. Но если выполните еще одну мою просьбу.

– Слушаю.

– Тут все как в сказке. В районе реки Калка должна быть дубрава. В ней есть старый дуб. В дубе дупло.

– В дупле шкатулка, в шкатулке – яйцо, – продолжил полковник мысль.

– Ну, практически. Можете ли Вы организовать широко-масштабную поисковую операцию в этом районе?

– Надо найти дуб?

– Скорее дупло. В нем я спрятал меч, который мне подарил Темучин Чингиз-хан. Он дорог мне как память.

– Если есть такое дерево, найдем.

Через год Иван Сазиков открыл в отреставрированной усадьбе графа Воронцова-Дашкова центр по изучению наследия предков «Сириус-2». Профессурой в нем стали специалисты по фамилии Волховы. В Рязанской области в районе деревни Волхвы был открыт музей деревянного зодчества. Рядом был построен современный завод по переработке бытовых отходов. Чтобы не портить ландшафт, он был спрятан под землю. Согласно инвестиционному проекту, подписанному на самом высоком уровне, за десять лет в

России должно быть создано еще более двадцати таких объектов в каждом регионе страны.

На открытие школы присутствовал президент. Он вручил Сазикову орден «За заслуги перед Отечеством 2 степени». Они долго общались в библиотеке графского дворца, глядя на берег реки Москва. Иван говорил о будущем. Президент его слушал. Хотя и было очень холодно, камин не зажигали. Президенту объяснили, что камин не зажигался аж с 1831 года.

Над камином висел меч Чингиз-хана. На камине стояли фотографии жены Сазикова и его сына.

Муле купили яхту и отправили в круиз по Средиземному морю.

Глава 12

Совершенно секретно

Лектор: Волхова В.М.

Доктор магических наук. Волхв высшей категории

Расшифровка аудиозаписи. Орфография сохранена. Запись и расшифровку делал курсант 3-ого курса Центра по Изучению Наследия Предков (ЦПИНП) Семенов Э.Е

– Василиса Михайловна, скажите, а кто же такой был Чингисхан?

– По мнению волхвов – Чингисхан, великий полководец, татаро-монгол, создатель одной из самых больших кочевых Империй на Земле, никто иной, как один из последних вятских правителей, князь или боярин Кучка Стефан Иванович.

– Этого не может быть. А вот официальная наука...

– Тем кому мои умозаключения кажутся бредом или бу-магомарательством могут не тратить свое драгоценное время и покинуть мою лекцию. Остальным же предлагают порассуждать над версией волхвов.

– Вы хотите сказать, что Чингисхан и Кучка – это одно и то же лицо, один и тот же человек, только в разные периоды времени?

– Давайте вместе попробуем доказать это, но начнем издалека. Вы слышали, что такое – Селецкая Пектораль?

– Нет.

– В 1980 году в журнале «Советская археология» №04 была напечатана статья Игоря Львович Черная, российского археолога и историк, в которой он пишет, что в 1977 году во время археологических раскопок на Селецком городище в Раменском районе Московской области наряду с обычными находками была обнаружена полностью сохранившаяся медная пектораль, выполненная в технике скани.

Чернай пишет, что ... «пектораль из Селецкого городища уникальна, не имеет аналогий, поэтому датировка ее пока затруднительна». При этом с весьма большими оговорками Чернай все же признает, что «...не исключено изготовление пекторали из Селецкого городища местными мастерами».

– И что тут такого?

– В мире существует не так уж и много подобных пекторалей, такого уровня сохранности. А если быть уж совсем точными, то помимо пекторали Селецкого городища мне известно о еще двух: пектораль из Черной Могилы, что под Керчью и Пектораль из Эпира, в Македонии. Правда две последние пекторали изготовлены из золота и выставлены на всеобщее обозрение в открытых экспозициях. Судьба же Селецкой пекторали какая-то тайна за семью печатями. Считается, что она хранится в государственном историческом музее, но в запасниках.

Почему?

– По моему мнению, все просто. Данная пектораль, кстати, она медная, а также: украшения из могилы Круглицы,

что близ деревни Вертячево, и золотые украшения, найденные на развалинах Боршевского городища под Бронницами, и остатки литейного производства на Боровского городища, датируемые 4-6 веками нашей эры, найденные монеты-потеряшки времен Римской империи и парфянского царя Арсак II, описания всех этих находок также можно легко найти в журналах «Советская археология» и книгах раменского краеведа Аверьяновой, указывают на то, что как говорится испокон веков, а именно задолго до появления Москвы, в ее окрестностях, в радиусе 50-60 километров, географически это в 40 километрах от Москвы в треугольнике – Зеленоград, Серпухов, Коломна – жили не забытые племена первобытных людей, о которых пишет «Повесть временных лет», что они были «аки звери», а вполне себе умные, по меркам того времени, образованные люди, обладающие современными технологиями, которые смогли организовать и создать мощное, опять же по понятиям того времени, металлургическое производство, и имели активные торговые взаимоотношения в первую очередь с южными соседями.

– Что же с ними стало? Куда они пропали?

А вот тут надо понять о ком идет речь. Люди ведь жили не сами по себе, они жили некими обществами, а именно как семья, род, племя, народ. Вот какая семья или род жили здесь.

«Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко... а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили своё

название вятичи» так записано в «Повести временных лет». Учитывая, что Вятко это фамилия, то род соответственно лучше называть с большой буквы – Вятичи, ибо если род, то семья, а значит фамилия. Собственно именно так их и называли советские ученые в 20-х годах прошлого века.

Однако в своем поучении Владимир Мономах упорно называет их с маленькой буквы. «А въ вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму; ...».

Почему? Думаю, уже в тот время понимали значение «информационной войны» и таким образом понижали значение своих противников. Однако, что еще можно узнать из этих скудных строчек официально признанных исторических документов.

– Что Вятко сел с родом по Оке. А что значит «сел?» Чем он занимался? Как жил? Вообще, кто такой Вятко? Кто такой Ходота? Где находится город Кордно? И что значит ходить на вятичей?

– Видите, сколько сразу возникает вопросов, если к историческим текстам, подойти, не заучивая их на зубок, как нас учили когда-то в школе, а с критическим взглядом. Вообще, текст, это очень странная вещь, ему хочется верить, и нужно обладать определенным навыком, чтобы продираясь сквозь недосказанность текстов любых текстов, пытаться найти иной смысл, более близкий к истине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.